

Літературна Кіровоградщина

*Літературний альманах
Кіровоградської обласної організації
Конгресу літераторів України*

Кіровоград
«Імекс-ЛТД»
2013

ББК 84(4УКР)6я44
УДК 82

Л 64 **Літературна** Кіровоградщина [Текст] : альманах / Кіровоград. обл. організація Конгресу літераторів України ; / [редкол. : А. П. Юрченко (відп. ред.) та ін.] ; [упоряд. А. П. Юрченко]. — Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2013. — 192 с.
Текст укр., рос. — 350 пр.
ISBN 978-966-189-160-8

***Альманах видано за сприянням Кіровоградського обласного
благодійного фонду «Розвиток Кіровоградщини» в рамках
регіональної програми «Література рідного краю».***

Альманах містить вірші й прозу авторів Кіровоградщини, що пишуть українською та російською мовами й об'єднані в обласній організації Конгресу літераторів України. Їх різножанрова творчість віддзеркалює думки й почуття сучасної людини, любов до України та рідного краю.

Розділ сатири та гумору включає оповідання й вірші, яким властиві всі відтінки цього жанру — від м'яко іронічних до гостро викривальних.

В розділі «У нас у гостях» представлені автори Дніпропетровської обласної організації Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України» (ДОО ВТС КЛУ).

Це п'ятий альманах Кіровоградської обласної організації Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України» (КОО ВТС КЛУ). Попередні альманахи були видані в 2009, 2010, 2011 та 2012 роках.

Новинка цього альманаху — розділи «Публіцистика» та «Дебют в "ЛК"».

Для широкого кола читачів.

ISBN 978-966-189-160-8

- © Кіровоградська обласна організація Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України», 2013
- © Ю. Авруцький, Н. Біденко, Т. Валова, Ю. Гашинов, Є. Гімельфарб, Ю. Гнатюк, У. Горяна, М. Льїн, П. Кашасв, А. Ковалішина, В. Корнієць, А. Кримський, С. Куліков, А. Курганський, О. Кутняк, Г. Лещенюк, Р. Любарський, М. Мілаш, М. Москаленц, О. Надутенко, В. Невський, Л. Некрасовська, Л. Ніколасвська, С. Поливода, М. Пшенишняк, Н. Сидоренко, В. Скуратовський, Д. Танський, С. Тимко, О. Хейфель, А. Чечель, О. Швєць-Васіна, С. Шпудейко, А. Шульга, А. Юрченко, 2013
- © «Імекс-ЛТД», 2013

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Поезія

Анатолій КРИМСЬКИЙ

Ще музику пісню не забуду...

Листопадове

Листопадове,
 Листопадове
 Наяву.
 Листя падає,
 Листя падає
 На траву.
 В тихім шелесті,
 В тихім шелесті,
 В тумані
 Осінь стелиться,
 Тихо стелиться
 І мені.
 Ген по тих шляхах,
 Де ходилося
 Так давно!
 Веселилося
 І журилося
 Заодно,
 А тепер уже —
 Листопадове...
 Згинь, байдужосте, —
 Листя падає!

***

А тиша тут,
А тиша тут:
Чуть, як сніжинка падає!
І від простуд,
Усіх простуд —
Холодний сніг
За пазуху!

А тиша тут,
А тиша тут —
Боюсь, що хтось підслухає,
Бо лиш — тук-тук,
Бо лиш — тук-тук —
У грудях дятел стукає?

Коли ж, коли ж
Той шурхіт лиж
Долине з-за околиці?
Коли ж, коли ж,
Коли ж, коли ж?..
Сніжок у щоки колеться.

***

Іще музичу пісню незабуту,
Оту, що — юним в тишині дібров...
Тепер любов — лиш за тверду валюту —
Яка валюта, отака любов.
Дивлюсь на кольоровому екрані
Ще небайдужим поглядом щораз,
Як походжають молоді та ранні
Всілякі «міс» — із Львова та Черкас,
А сиві дідусі благоговійно
Вже гаманцями щедрими трясуть.
Не звідав я купованих обіймів,
І ти мене, життя, не обезсудь!

Яке воно, кохання за валюту?
 Напевно, від звичайного сильніш?..
 Іще музику пісню незабуту...
 Іще люблю... За вроду. Як раніш.

***

Не збілю, як скажуть: «Помреш».
 Не здригнусь,
 Хоч і в серце болюче кольне.
 Ніби зламаний знак,
 Під дощами зігнуся,
 Якщо ти розлюбила мене.
 Дехто посмішку скривить:
 «Вже в інеї чуб,
 А йому ще в думках —
 Солов'ї...»
 Я промовчу,
 Неначе нічого не чув,
 І шукатиму очі твої.

***

Жити вже не хочу — мушу —
 Заблукала осінь в нивах.
 Вечір впав мені на душу —
 Чорний, як любов брехлива.
 В сумовинні безпросвітнім,
 Леде махаючи руками,
 Залишились давні квітні,
 Ніби здача — мідяками...
 Ніби здача за перелюб,
 За негашене вогнище —
 Хай досвітньою зорею
 Недолюблене болить ще.

Все одне лише одна ти
Погукала у неспокій —
До півсмерті сумувати
На усі останні роки...

***

Полустанок над Россю. Гуде пароплав.
Літне сонце сія з-під високого неба.
Половину тривоги у житті я зібрав,
Половину печалей... А більше не треба.
Половину кохання... На час... Жартома
Нагадав я тобі в необачній розмові.
Суєта, невезіння... Все часу нема
Зазирнуть у світанки твої чорноброві.
Полустанок над Россю... Місточка хитка.
Як почну завтра день і чому приурочу?
Вже, як кажуть, у касах немає квитків —
Не дістатися в юність... А в старість — не хочу.
Пізній полудню мій! До думок припаду!
Може, й слово дозріле у роках
Знайду?..

Ефим АВРУЦКИЙ

*Мои пятилетние сверстники**Отрывок из поэмы (с сокращениями)*

Когда
    бессонная ночь
Тихо
    к рассвету клонится
И сон
    сумел превозмочь
Мутную заводь
    бессонницы —
Из Бабьего Яра
    под Киевом,
Из рва
    под Кировоградом,
Из тысяч
    еврейских могильников
От Чёрного моря
    до Балтики
Того
    сорок первого ада,
Той зверской
    фашистской практики,
Из груди земли
    и камней
Той страшной трагедии
    вестники
Молча
    приходят ко мне
Мои сестрички
    и братики,

Мои
    пятилетние сверстники.

Мои
    пятилетние сверстники —
Мальчишки
    в коротких штанишках,
Войну вы познали
    по книжкам.

С каким
    вдохновенным настроем
О будущем
    мечтали вы:
Быть непременно
    героем,
Челюскинцем
    или Чапаевым!

Но кончилось
    ваше детство
С ужасным
    «мессеров» воем
Над вашей
    головой,
И некуда было
    деться
Ни старикам,
    ни младенцам,
Ни женщинам,
    ни инвалидам,
Рождѣнным
    с Звездой Давида.

И ваши
    любимые Мамы
У самого края
    бездны той,
С сознанием,
    от ужаса треснутым,

Вас
     прижимали руками
 К своей,
     вас вскормившей, груди,
 Пытаясь
     в последний самый
 Миг
     вас от смерти спасти.
 И с ужасом
     безысходности,
 Страхом за вас
     объяты,
 Падали
     в бездну пропасти,
 Не разжимая
     объятий.
 И под собой
     вас пряча
 Уже
     в бездыханном теле,
 Кровью своей
     горячей
 Вас на прощанье
     грели.
 И вы
     в безнадежном отчаянии,
 В безжизненных тел
     глубинах,
 В том
     кричащем молчании
 Своим
     последним дыханием
 Пытались согреть
     на прощание
 Мамочек ваших
     любимых.

Мои
    пятилетние сверстницы,
Сестрички
    в платьицах ситцевых,
В косички
    вплетённые бантики,
Игры в куклы
    и фантики...
С визгом
    любили носиться вы
И по дворам,
    и по улицам
На горе
    соседским курицам,
И щебетали,
    как галки,
Прыгая
    через скакалки.
Росли вы в тепле
    и в ласке
С верой
    в светлое будущее,
И мамы
    без всякой опаски
Читали вам
    добрые сказки
С любовью
    на сон грядущий.
И сны ваши
    лёгкими крыльцами
Влетали бесшумно
    в окно вам,
И благородные
    рыцари
С великолепными
    принцами,

Русланами
                                 и Роланами,
 Ночами
                                 и утрами ранними
 Спасали вас
                                 снова и снова.

 Но кончились
                                 сны ваши добрые,
 И хмурое утро
                                 раннее
 С восходом —
                                 кровавою раною,
 Ужасной
                                 коварной коброю
 Вползало
                                 в ваше сознание,
 И день,
                                 что темнее ночи,
 Вам
                                 злую судьбу пророчил
 Под общим названием —
                                 «фрицы».

 И не было
                                 сказочных принцев,
 И благородных,
                                 и верных,
 Чтоб вас защитить
                                 от скверны.

 А вас
                                 загребастали в лапы
 Эсэсовские
                                 эскулапы —
 Сверх черных мундиров,
                                 как латы,
 Белого цвета
                                 халаты,

Те же арийцы —
                                убийцы,
Но вместо «шмайсеров» —
                                шприцы;
Чтоб обмануть
                                природу —
Улучшить
                                свою породу,
Эсэсовские
                                эскулапы
Всю вашу кровь
                                до капли
Изъяли:
                                чтоб быть поближе
К божьему
                                изголовью,
Они хотели
                                разжигить
Свою
                                кровавую жижу
Вашей
                                священной
                                кровью.
И души ваши
                                невинные
Над тельцами вашими
                                хрупкими
Беленькими
                                голубками
Вспорхнули
                                в небо синее...

С полным текстом поэмы можно ознакомиться в областной библиотеке им. Чижевского либо обратившись непосредственно к автору (efim.av@mail.ru).

Наталья БИДНЕНКО

Без тебя леденеет полночь

***

Эта быль, эта боль, небо...
 Превращаешься ты в небыль.
 Эта глупая роль, Боже!
 Поцелуем тоска гложет.
 Уходя — уходи. Можно.
 Нас судьбе рассудить сложно.
 Эта роль, эта боль... Соли
 В рану мне. В душу мне — воли!
 Набираю «103» — помощь!..
 Без тебя леденеет полночь.
 Рассыпается мир — пылью,
 Но останется боль. Былью.

***

А городу всё равно,
 А городу безразлично,
 Что, напрочь забыв о приличьях,
 Плакало сердце одно.

А городу всё равно,
 Когда на пустой остановке,
 Опасно качаясь на бровке,
 Плакало сердце одно.

А городу всё равно...
 В глазах его, яростно-синих,
 Любовь превращалась в иней...
 Плакало сердце одно,
 А городу всё равно...

***

Жизни ножницы —
не жестокие.

Просто острые.
И живёт душа
одинокая,
как на острове.

Бьётся мир о край —
отголосками,
Горе — волнами,
Жизнь раскрасило,
как полосками
бело-чёрными.

Светит звёздочка
одинокая,
сыплет искрами...
Жизни ножницы —
не жестокие.
Просто истинны.

Осеннее скерцо

Затянут узел из обид,
Зимы дыханием застужен,
На сердце давит, как гранит,
И стынет небо синью в лужах.

А день улиткою ползёт,
И зажигает вечер свечи,
Как пламя, лижет небосвод —
Не исцеляет, а калечит!

Душа свернулась, как листок,
 Сгоревший в пламени извечном,
 И только пепел между строк —
 Былой любви казнённый вечер...

А ночь-разлучница звучит
 Холодных звёзд осенним скерцо...
 Затянут узел из обид —
 И только грусть в усталом сердце.

***

Всё торопится, всё меняется,
 А судьбы качели качаются:
 То летишь в зенит, то спускаешься,
 Но, минуя пик, снова каешься.
 Так приемли жизнь как простой урок:
 Нелюбовь — любовь — болевой порог.

***

А листья взбесились в ноябрьских ветрах —
 Вчерашнюю радость и завтрашний страх
 Багрянцево-рыжая мчит карусель,
 И катится в Лету минувший апрель...

А листья взметнулись, ведя хоровод —
 Свой поздний, осенний, последний полёт,
 И сквозь паутину морозной канвы —
 Безумная румба опавшей листвы...

***

Измотаюсь вконец я по весям и странам,
Позабыв, где находится дом,
Обнажённой душою, в ушибах и ранах,
Я предстану пред Высшим судом.

Словно гильзы войны, исковерканы судьбы,
Но, считая потери свои,
Об одном попрошу: — О высокие судьи,
Присудите мне смерть от любви!

Снисхожденья просить не с руки мне, негоже —
Так нелепо марались листы...
Вы судите меня, да судите построже,
Без поблажек и без суеты.

Обожгите, отчистите плесень предательств,
Скальпель веры пусть врежется в слой
Лжи, измен, и пустых обязательств,
И ошибок, содеянных мной!

...Только сердце горит — ярко-красным на белом —
В глубине благосклонных небес...
Я очищусь и встану пред новым пределом,
От любви умирая к тебе.

***

Я приду на рассвете, прямо в сладкие сны,
И не будет на свете зеленее весны.
Тихим солнечным вздохом, холодком по спине,
Пробивая эпохи, ты вернёшься ко мне.
И качнётся планета, ярко вспыхнет болид,
Эхо счастья крещендо зазвучит для двоих.
Ухожу на рассвете — ночи грустный итог...
Потерялись, как дети, мы на стыке эпох.

Уляна ГОРЯНА

*На хвилі верлібру***Цукатні роси**

Зашерхла стежка під ногами.
Іскриться небо.
Морозно.
Біліє степ.
Заліг важкий туман
між берегами —
він над холонучою річкою отерп.

І жаль мене
наскрізь пропік,
задимівся терен
очима циганчати.
Рахує осінь теплі дні,
рахує вік,
а я ж наївна,
мов дівчатко.

Стоять кущі бузкові
зовсім босі,
тріщать під кроком
крижані спориші.
Зацукрувались роси,
мов цукати.
Їх піднесу до зголоднілої душі.

***

Встелився сніг
сухим і прісним печивом,
а ти лише поглянь,
прошу: поглянь...
В небі віхола,
накручує кола білим кречетом...
Хутірець,
сосновий ліс,
дикий пляж —
глушина.

Сіпався вітер,
колючим частоколом заарканений,
сіпався,
шукав собі гнізда
серед злющих стріх,
а ти, об мої почуття зраний,
захворів і до моїх ніг зліг.

Зимо-злюко,
стань мені відрадою!
Легенька віхола під острішок хати —
шелесь...
Ти від морозу відтанув
і радий вже.
Біля пічки тепло,
холодно за вікном,
холодно не тут,
а десь...

***

Це ж треба:
 смута у серце,
 мов в коси колючка,
 вчепилась.
 Блискотить
 навколо місяця срібна обручка.
 Я знову серед курганів
 шукаю чиюсь могилу.

Ніч бузками духмяна,
 думи — важким
 джмелиним роєм,
 розгорталася ніч,
 гойдалася, ніби п'яна,
 обвінчався місяць зі мною.

Зорі воском
 світанок відливали,
 кровиночки душі —
 мов лісові суніці спіли,
 роси бурштинами
 на коси осідали,
 плакав в небі місяць-страждалець...

***

Мармурові крила.
 Цвинтарний вітер
 за спиною став,
 з рук впали квіти —
 розбились...
 Сон-марево
 у тумані розтав,
 райдужні коні
 з дороги збились.

Зводять дві річки мости,
натягнувши веселку
у арфові струни.
Мені б свої мрії спасти
й спіймати розполохані луни.

А сонце
босоногим дівчам,
променистим батіжком
стьобає грозове хмаровиння,
пробіжить дитинство
росяним бережком,
розпустить
золоте волосся по вітровінні.

Мармурові крила.
Хрест. Із дерези живопліт.
Біль дерезовою колючкою
у серце уг'явся.
На свіжій могилі
сонячний сухоцвіт
незрячими очима
в передгрозове небо вдивлявся.

Николай ИЛЬИН

*Музыка времени***Зной**

Страдают города от солнечного ига,
Лимонной желтизной окутаны дома,
И крыши,
        как обложка старой книги,
Коробятся в горячем тигле дня.

Течёт
        по раскалённой кромке зданья
С ослепших окон белая эмаль
В палящий день,
        теряющий сознание,
И вечер, что плетёт свою вуаль.

И еле-еле, как сквозь сон, неслышно
Свой поцелуй воздушный принесёт
Бродяга-ветер.

        Но, скользнув по крышам,
Лишится сил — и навсегда уснёт.

Бабье лето

Дожди идут по октябрю,
Поют ему своё признание,
И паутинное вязанье
Уже ветшает на ветру,
Тягучее, как сновиденье,
Сверкает в зареве огней.
Лишь несколько погожих дней
Даются нам во искупленье.
Но эти дни — как доброта:
Нам осень дарит бабье лето,
И отзовутся пеньем где-то
Деревья, птицы и вода.

Палитра осени

На старом погосте
                                почти нет крестов,
А листья — надгробные плиты,
И тянутся тени густых облаков,
Печалью и грустью налиты.
Нагие деревья — олени рога —
Проткнули нутро небосвода,
Горбаты мосты — серой ленты дуга
Скользит под ногой пешехода.
По краю земли где-то катит состав,
Одиннадцать синих вагонов,
И мчатся за ним,
                                от погони устав,
Разлуки и встречи перронов.

Щемящий,
 пронзительно грустный пейзаж
 Рисует колдунья-природа,
 Вливая в мазки золотую гуашь
 Приметою времени года.

***

Листопада последнего крик
 Слышим мы на окраине лета,
 И холодными брызгами света
 В утро выстрелил луч-дробовик.

Облака на себя громоздя,
 Раззевалась в кулак непогода,
 В лужи сыплются брызги дождя
 И, как отблески, падают в воду.

По ступеням в промокшем дворе
 Осень в образе старого деда
 Поднимается к нам в октябре
 Под плащом из багряного пледа —

Со следами кленовых подков,
 Их оставило вовсе не лето...
 И рассыпаны в книгах поэтов
 Красно-рыжие строчки стихов.

Зима

Спит, зимою заласканный,
 ночью в снегу белый город.
 Серебро льёт луна
 на ночную тревогу теней.
 И, одетый в дымок,
 бродит в сумерках улицы холод.
 И душа об уюте
 тоскует сильней и сильней.

Хлынут ветры,
и вырвутся дикие снега из плена,
Фонари затрепещут
неоновым синим огнём,
И ударит в дома
белоснежная жгучая пена,
Словно войлок,
укутает белым мой каменный дом.

Бесконечная ночь
топчет путь свой беззвёздный и длинный.
Бесконечность её —
как безумный бессрочный запой.
Снег течёт и ложится вокруг
белизной карантинной,
Превращая весь город
в стерильный приёмный покой.

Застревая в метели,
утро еле бредёт по пороше,
И плетётся рассвет
мимо спящих в степи деревень.
Заалеет заря,
заколдованный сон поборовши,
И разбудит восток...
И надежду на завтрашний день.

Хандра

Какая мерзкая погода
Под перестук дождя с утра,
И неуёмная хандра
В душе лютует больше года.

И тянутся без перехода,
 В неразберихе толкотни,
 Вино, ненастная погода,
 Вино, тоска, пустые дни...

Последние дни ноября

И падают белые снега,
 И сводят погоду с ума,
 Зима совершает набеги
 На город, деревья, дома.

Но сопротивляется осень
 И солнца зажатый кулак
 Над миром бессильно заносит
 И держит свой выцветший флаг.

...На сером хитоне метели —
 Кровавая, в пятнах, заря,
 И в пламени стуж догорели
 Последние дни ноября.

Зима в городе

Сжигает январское пламя
 Простор в голубых небесах,
 Искрятся снега под ногами
 В лиловых и красных тонах.

А в них отражаются тени —
 Как призраки из темноты.
 Стоят, подогнувши колени,
 Покрытые снегом мосты.

Тяжёлая зимняя кара
 Погасит последний фонарь...
 Шершавым шарфом тротуара
 Укрыл ему ноги январь.

Пробуждение

Услышать мотив тишины —
Мелодию гаснущей ночи,
Но день своё лезвие точит
У края рассветной стены.

Рассыплется света эмаль —
У времени нет опозданий,
К бессмертным стопам мирозданий
Проляжет бездонная даль.

И проблески нового дня
Разрежут ночное удушье,
Безмолвия стены разрушат
И к жизни пробудят меня.

Уход

День ненастный рвёт себя на части,
Утекает, как вода, из рук.
На деревьях — брошенные снасти:
Их забыл смотать ловец-наук.

Ни надежд, ни радуги рассветной —
Всё вокруг стирает листопад,
И, устав от гордого бессмертья,
Осень в даль уходит наугад.

Мы с тобой сожгли костёр желаний —
Начинаем оба новый путь...
Где-то на распутье будет камень,
На котором можно отдохнуть.

Алла КОВАЛІШИНА

Я втала вас, слова крилаті

***

У Дикім полі — козацька доля,
 У Дикім полі — козацький дух.
 Життя віддати — за вільну волю,
 За те, щоб вітер ворожий вшух.

Життя віддати — щоб жодна мати
 Не проливала пекучих сліз,
 Щоб пісні щирій із вуст злігати,
 На щастя-радість лунати скрізь:

У житнім полі і в білій хаті,
 В зеленім лузі і у саду!
 В бою кривавім — життя віддати,
 Щоб не пустити в свій край біду.

У Дикім полі — козацька доля.
 У Дикім полі — козацький дух.
 Козацький спадок — священна воля
 (І аж співає забутий плуг!)

Козацький спадок — в борні здобутий
 Ціною крові, ціною мук.
 Хай ворог дужий, хай ворог лютий
 Не простягає хижацьких рук!

У Дикім полі — козацька доля.
 Козацька слава — живе в віках.
 Хай процвітає крилата воля,
 Летить над світом, неначе птах!

***

Торгівля на трасах, в кіосках, на площах,
Країна — суцільний базар.
На продаж — медалі і пам'ять, бо гроші —
Сучасних відносин товар.
Торгівля любов'ю і навіть душею.
На ринок народне добро:
Ставки і заводи. Святою землею
Торгуєм, бо гроші — не зло.
Бо гроші — це все: і розваги, і статок,
Солодке життя і бали...
Купуйте і славу, і честь — на додаток,
Бо совість — давно продали.

Пам'яті Анатолія Ворфліка

Час злетів чорнокрилий
і забрав із життя...
О мій вчителю сивий,
вже нема вороття
у світанки вишневі,
де у райдузі слів
квітло серце травнево,
диск Ярила горів.
Й золота птаха щастя
била теплим крилом,
зорі сяли рясно...
Як давно це було...
Збігли дні рисаками
(хоч і був шлях крутим),
та пливе над віками
мерзла музика зим...

***

Такої тиші просто не існує...
Як тихо, як повільно падає сніг.
Він обіймає ніжно та цілує
Земну печаль. І падає до ніг,
Звеличивши земну красу і силу...
О, як би я хотіла у цю мить,
Аби ти снігом повернувся, милий,
Відчувши, як печаль моя болить.
І цілував її у сині очі,
І у вуста гарячі цілував.
Лише б ніхто цю тишу не зурочив
Заради сміху, жартів і забав.

***

Я радість зустрічі дарую,
І боєм втрати відгукнуся.
Не пом'яну ніколи все
Життя у безперервним русі.
Когось сама я вибираю,
Троянд пелюстки оксамитні
До ніг кладу. Достоту знаю:
Стежки життя шипами вкриті.
А хтось — мене шукає в світі
Через неспокій і тривоги.
Та ви усі для мене — діти,
Я вас веду. Бо я — дорога...

***

У посаг дала мені доля любов,
Сумні та веселі пісні,
І віру у те, що повернуться знов
Додому птахи повесні.

І буде цвітінню радіти душа,
І буде радіти весь світ.
І вже не лякатиме чорна межа,
Де зірка загубить свій слід...

***

Ген у вирій полинуло літо,
Неймовірно здійснивши піке.
У степу здичавілім розлите
Днів осінніх повітря гірке.

Ще попереду сум падолисту
І свавільне зухвальство вітрів,
І калина червоним намистом
Ще прикрасить задуму садів.

А у вічні літописи неба
Вже занесений дзвін золотий,
Трав шовкових тонюсінькі стебла,
І серпневий сезон дощовий,

Ніч купальську з піснями й багаттям
І на сонці настояні дні,
Зорепадовий щем і сум'яття,
Теплий обрій в довітнім вогні...

Просто зима

А нічого не сталося. Просто зима.
 Просто сніг. Просто я залишилась сама
 У великому місті чужому,
 Заметіль замела путь додому:
 Там печально чорніє самотнє вікно.
 І ніколи не буде мені все одно,
 Чи зима, чи весна в ріднім краї,
 Чи вечірня зоря розцвітає,
 Чи постукав світанок в самотнє вікно —
 О, ніколи не буде мені все одно.
 Як запалють святково каштани
 Білі свічі, і туга розтане,
 Наче сніг... Я тоді повернуся туди,
 Звідки мама колись виряджала в світи.
 І душа, попри втрати і втому,
 Захлинеться від щастя: «Я — вдома»...

***

Я вигадала вас, мої тривоги,
 Аби не знало серце супокою.
 Я вигадала вас, мої дороги,
 Аби торкнулись обрію рукою.
 Я вигадала вас, мої світанки —
 Такі веселі і такі щасливі —
 Аби лише смаглява ніч-вакханка
 Не зруйнувала мрії полохливі.

Я вигадала вас, сріблясті зорі,
Аби краси торкнутися душею.
Я вигадала вас, високі гори,
Аби пісням злітати над землею.

Я вигадала вас, моря глибокі,
Аби лише думки глибин сягали,
Я вигадала весни ясноокі,
Аби лиш соловей не змовк у гаї.

Я вигадала вас, вітри стосилі,
Я вигадала вас, слова крилаті,
Аби лиш процвітав ти, краю милий,
Та був на радість і любов багатий!

Осінній цикл

***

Біль-павук снує павутиння,
Ловить душу в тенета міцні...
А любов моя самотинно
Диво-птахом співає пісні.

А що музика — витвір серця,
А що слово — то вихлюп душі.
...Доле-доленько, лиш не сердься,
Що римую тумани й дощі...

***

Листя, нереально золоте,
Падаючи, робить реверанси.
Так і день осінній опаде,
Не розклавши всі свої пасьянси.

Опаде у вічність мовчазну,
 На прощання посміхнувшись ясно.
 Забере з собою таїну,
 Залишивши нам окраєць щастя.

***

Давно вже відбулося те, що буде,
 Суцвіттям душ вже виправдався світ.
 Ніщо ніколи не зника нікуди,
 Із зерна знову визріває плід.

Озветься в серці непідкупне слово:
 — Якщо ти прагнеш світлої мети,
 Поклич любов — цього життя основу —
 І з нею йди в незвідані світи.

***

Порвалися небесні вени —
 І хлопнув дощ, як із відра.
 Спустило місто, наче сцена,
 Коли закінчується гра.

Дерева ляскають в долоні
 І викликають день на біс,
 А вечір б'є у сині дзвони
 І насувається на ліс.

Приймишки трави шовкокосі
 І гамір стишили пташки.
 ...Спішить до мене спогад босий
 Із позачася навпрошки...

***

Вітрила жовті розпустила осінь
І запливла у вересневі дні.
Верба в холодних водах мие коси,
Згадавши літа барви і вогні.

Та нині жовтий колір лиш у моді,
І, жовтий капелюх вдягнувши, дощ
Сумні пісні наспівує природі,
А в теплій хаті смачно пахне борщ.

А в теплій хаті затишно і тихо,
Та жаль пісень, народжених дощем:
Візьму їх в серце і об землю — лихом.
...Пливе над світом полиновий щем.

***

У веселому зошиті літа
Мокру крапку поставила осінь.
Вереснево-задумливі квіти
П'ють розбавлені тугою роси.

Срібні капці в воді прохолодній
Намочив необачливий місяць.
Вітровії осінні голодні
Пошматовані душі вже лічать.

***

На зелен-цвіт прикраси золоті
Осінній сум вдягає, не скуписья.
Щербатий місяць блиском на воді
Виманює із лігва ніч-вовчицю.

Ніч темним оком загляда в вікно,
Що світиться надією на весну,
І розлива ожинове вино
Й вустами вітру славить даль небесну.

Валерий КОРНИЕЦ

*Как слова ненаписанной
повести...*

***

Зимний вечер, пасмурен и тучен,
Возле хаты бродит нелюдимо.
Лунный серпик вынырнул из тучи
И плывёт по облачному дыму.

Задремал на мокрой ветке ворон.
Чёрный полог ночи сполз пониже.
Сырость подло заползла за ворот,
Языком холодным спину лижет.

Тороплюсь разжечь огонь в печурке
И ворчу о жизни и погоде.
Язычки огня скользят по чуркам,
Начиная песню в дымоходе.

Всё вокруг знакомое до боли,
Этот дом мы создавали сами:
Есть тепло, и хлеб, и мы с тобою,
И любовь, скреплённая годами.

Мы идём по жизненному кругу,
Каждый миг счастливый вспоминая.
Мы вдвоём. И мы нужны друг другу,
Как когда-то в том далёком мае.

***

Лист багрянцевый с ветки сорвался,
Под порывами ветра дрожа,
И кружится, скользя в ритме вальса
По расстроенным струнам дождя.

За расхристанной дымкою где-то
Клин прощальный уплыл далеко...
И стучат, и стучат кастаньеты —
Поздней осени грустный аккорд.

Мокрый ворон бредёт неуклюже —
Спутник мой без надежд и сумы,
И кривляется в зеркале лужи
Лик коварный грядущей зимы.

Молча плачет оконная рама,
Рвётся клочьями дым из трубы.
А мой след исчезает упрямо
На дороге размытой судьбы.

И весна в белом платье невесты
Не зайдёт, не присядет за стол.
Но мне слышится звон благовеста
Сквозь струны оборвавшейся стон.

***

Может, это весенняя акция,
Чтобы мы потеряли голову —
Подвенечные платья акации
Надевают на ветви голые.

Грозди белые треплются ветрами...
Вы попробуйте их, советую:
В детстве были для нас конфетами
Сладковатые эти соцветия.

Как слова ненаписанной повести,
Осыпаются, кружат порошею...
Почему-то немножко совестно
Мне ступать в это дивное крошево.

Пусть бегут за деньгами, за славой
Пробивные, шальные, бедовые —
В круговерти акаций плаваю,
Ароматы их пью медовые.

Мало, мало... А много ли нужно нам?
Белый цвет — как небес откровения.
Заблужусь в этом сказочном кружеве.
Чтобы счастья продлить мгновения.

Я за строгую логику ратую,
Но, в акаций попав хороводы,
Возвращаюсь опять в невозвратное
Вопреки всем законам природы.

***

Ночь. Безлунье. Даже шорохи
Где-то спрятались в кустах.
И уселись думы-сполохи,
Как вороны на крестах.

Кредиторами настырными
Ждут расчёта по долгам.
Безнадёжная, постылая
Ночь бессонная долга.

Не спешите, твари злобные,
Счёт вести моим годам.
Поднимусь на место лобное —
Вот тогда долги отдам.

Рассчитаюсь полной мерою
(Не умом — душой прозря)
И за то, во что я верую,
И во что не верил зря.

***

Сдвинув тучек ветошь,
Тих и осторожен,
Выглянул с рассветом
Золотистый ёжик.

Лучики-иголки
Выставив пригоже,
От прохлады колкий,
Прикоснулся к коже.

Заскользил по гривам
Лугового ситца,
Щекотнул игриво
У сосны ресницы.

Вспыхнул, заискрился
Росным перламутром —
И за тучкой скрылся,
Подарив нам утро.

Пусть на юность вето
Наложила Осень,
Мне б вернуться в Лето
Ёжиком курносым.

***

Стирает солнце, оплывая,
 Кайму багряного развода.
 Луна румяным караваем
 Легла на скатерть небосвода.

В объятых сумрака дорога
 Темнеет облаком за хатой,
 И день натруженные ноги
 Омыл прохладой заката.

Свисают с тына гроздь хмеля,
 Сверкает звезда густая россыпь.
 И травы, словно на похмелье,
 Пьют жадно утренние росы.

И блёкнут ложные кумиры,
 И понимаешь сущность счастья —
 Быть пусть песчинкой в этом мире,
 Но знать, что ты к нему причастен.

Голгофа

«Каждый должен свой крест нести.
 Он гибает не дух, а спину.
 Но легко ль на Голгофу взойти,
 Даже будучи Божьим сыном?

Я взошёл. Но меня Ты спас,
 Чтобы вывел я из Содома
 Этот люд. Лучше б коз я пас
 Без забот у родного дома.
 Ты звездой из созвездья Креста
 Появленье моё отметил.
 Так зачем из меня Христа
 Люди сделали после смерти?

Ничего не желая менять,
Только множат порок и скверну:
Утверждают, что верят в Меня,
Но в Тебя потеряли веру.

Я не Бог. Я всего лишь сын,
Твой Посланник и Предосторога.
Для иуд мне не хватит осин,
Чтоб Твою ограбить дорогу.

Зло во имя Христа вершат
И хотят, чтоб я дал прощенье.
Кровью плачет моя душа.
Ты скажи, провинился чем я?

И зачем я свой крест несу?
Разве был я для муки создан?..»

Вырывает, рыдая, Исус
Из креста нами вбитые гвозди.

Баллада о Млечном Пути

*«А Млечный Путь из молока?» —
Спросил мальши у старика.*

Хозяйка ей вымыла вымя водой,
Тряпицею вытерла белой,
В подойник проворно сцедила удой,
Печально в глаза поглядела,
Прижалась губами к шершавому лбу,
В ресницах блеснула росинка —
И вдруг заспешила из хлева в избу,
Глаза вытирая косынкой.
Хозяин зашёл. Ничего не сказал.
То снял, то надел снова шапку.
Завёл на машину, к бортам привязал,
Дал свежего сена охапку.

А солнце, порвав розоватый рукав,
 Зажгло изумрудами росы,
 И в невод незримый ловила река
 Лучей золотистую россыпь.

И вспомнилось ей, что вот так же давно
 Её, молодую двухлетку,
 К быку повезли. Он стоял за гумном
 В надёжном станке, словно в клетке.
 Призывно мычал, рвал упорно ремни
 Красавец особой породы.
 Боялась, но всё-таки встала пред ним,
 Покорная зову природы.
 Дорога до дома струилась в лугах,
 И солнце резвилось в зените,
 А ветер-проказник надел на рога
 Фату из серебряных нитей.
 Хозяйка встречает её у ворот,
 Косыночкой приветливо машет
 И гладит по шее, и к хлеву ведёт:
 «Ты, Зорька, кормилица наша».

Скреблась за стеною упрямая мышь,
 Декабрь снегом улицу вымел,
 Когда родился её первый малыш —
 И жизнью наполнилось вымя.
 Соски подставляла — пусть маленький пьёт,
 Кормила помногу и часто.
 И полнилось радостью сердце её
 (Как мало нам нужно для счастья).
 Когда же впервые с ним вышла во двор
 На выпавший снег неглубокий,
 Он мелко дрожал и вертел головой,
 И тыкался носиком в бок ей.
 Другие телята припомнились ей.
 Рожала, пока были силы.

Все дочки при стаде, а вот сыновей
Куда-то вот так увозили...

Прохладное утро сменила жара.
В пыли отзмеилась дорога.
И хмурый хозяин промолвил: «Пора.
Приехали, Зорюшка, трогай».
Сошла по настилу. В сознание неслось
Былое, круша километры.
Ей запах почудился крови и слёз,
Но запах не жизни, а смерти.
«Вернись!» — ей кричала трава на лугах.
«Вернись!» — звал телёнок-подросток.
И всё поняла... Но, потупив рога,
Шагнула на скользкие доски.
И вся её жизнь унеслась далеко,
Туда, к поднебесному зову.
А с вымени капнуло вдруг молоко
Последней прощальной слезою.

Уснула земля, скрыв морщины лица
Под звездным ночным одеялом.
И лишь на мгновенье в созвездье Тельца
Вдруг ярко звезда засияла...

Анатолій КУРГАНСЬКИЙ

Вона мені дарована від Бога

Доля

Ідеш, ідеш і топчеш спориші,
Розверзло світ на цій дорозі наче,
Й лягла суворо в серці та душі
Беззахисна й холодна доля й плаче.

А як же рахувати всі роки,
Як із землі вона вбирала сили,
Безжурно як вмирала вітряки,
Й безжурно із церков хрести косили?

Не в змозі я позначити життя,
Як меч дамоклів, наді мною доля.
Чи всі вона пройшла круги буття,
Чи все змогла зібрать зі свого поля?

Гама з дитинства

До

Дорога від лугу, доярка-бабуся
До хати в дійничці несе молоко.
До хвіртки спішать, щоб втекти, її гуси,
А півень на шлях йде з курьми: «Ко-ко-ко».
Спішать поросята малі до корита,
До миски сухої йдуть кіт і Рябко,
Бо знають, що прийде бабуся налити
Добірне і тепле для них молоко.

Ре

Ревіли корови — води захотіли,
Ревниво дивились на птаство в ставу.
Їм також у спеку купатись кортіло,
Пастух не пускає — жене на траву.
Вже скоро до обрію сонце торкнеться
І по прохолоді цієї пори
В ставу тоді стадо доволі нап'ється
І піде додому у різні двори.

Мі

Міняю теля на велику корову,
Міняю свиню на безрогу козу,
Міняю відро на каструлю здорову,
Міняю kota на вербову лозу.
Міняю лопату на вила трійчаті,
Міняю сорочку на шапку з кроля,
Міняю вино, що в бутлях, непочате,
На сало. Хай носить вас рідна земля.

Фа

Фартух намочила бабуся, відколи
Фактично не може його просушить.
А їй треба йти вже на працю до школи,
Й не зможе сьогодні фартух їй служити.
Вона роздаватиме дітям обіди —
І каші, й котлети, й, звичайно, борщі.
Можливо, не скажуть нічого їй діти —
Фартух її сохне півдня на дощі.

Соль

Сольні концерти — тривоги серцеві.
 Сольфеджіо, на репетиціях дні.
 Закохані в голос мій люди місцеві,
 І похвали від них чую одні.
 В область запросять, можливо, співати,
 Може до Києва шлях поведе.
 Що ж тоді скаже мені моя мати:
 — Їдь і співай, як ніколи й ніде.

Ля

Лякає ще Зима Весну морозом.
 Лягає іній сивий на сади.
 А дядько до млина вже їде возом,
 Вузьенькі залишаючи сліди.
 Спливає час, і рук чекає поле,
 На старті вже гуркочуть трактори,
 Надіються, що тишу грім розколе
 Й прогріється земля о цій порі.

Сі

Сіно сушили гуртом на леваді,
 Сіли обідать під верби у тінь.
 Кіньми по сіно приїхали дяді —
 Як же вставати було тоді лінь.
 Сяде вже сонце, а ми на роботі,
 Кожен збирає собі огірки.
 Сіллю посиплемо — й солодко в роті,
 І насолода — немов на віки.

Жито

Як же колись пахло жито,
Моїми ціпами бите.
Як же вусатий колос
Викрикував на весь голос:
— Бийте мене ціпами,
Буду весь час я з вами,
Буде найкраща днина,
Стану я вам хлібина.
А околоту тіло
Стріхою стать захотіло:
— Вкриєте мною хати,
В них щоб тепло зберігати.
Жито — від слова жити,
Будемо ми дружити,
Я вам добра бажаю,
Гарного всім врожаю!
Ранки вже стукають ціпом,
Верби принишкли в тузі...
Жито розпахлось над світом,
З житом нам жити, друзі!

***

Полум'яніє серпень без серпа,
Досушує полукіпки і п'ятки.
А поміж них вгодована копа
Надію шле бабусі: «Будуть статки».
Блискучий серп вже в хаті на стіні.
В хлібах він працював, що аж стомився:
Останні перемоги — в поліні,
На межах, і на рік від нього вмився.
Став репанком дозрілий огірок,
Лути в отаві косами побриті.
Лиш місяць-серп пасе своїх зірок
В серпневому небесному кориті.

***

Голосно з печі розпахся хліб.
 Невже це для мене?
 Сипле на скроні невтомно сніг,
 Невже це для мене?
 А пилорама дошки пиляє.
 Невже це для мене?
 Зроблять нові труни старанно.
 Невже і для мене?

Осики відходять, берези.
 Отак і ми всі по черзі.

***

Як би хата була без мене?
 Не палала б досвітня піч,
 Й не раділо рядно зелене,
 Огорнувши теплом на ніч.
 Якби всі дерев'яні речі —
 Лава, стіл, сундучок, ослін —
 Ні всміхались вогню до печі,
 До палаючих там полін,
 Тіх, що я нарубав ще влітку,
 Хата теплою щоб була,
 Сонцем висушив і — в повітку,
 Щоб зима на коліна лягла.
 Якби хата була без мене,
 Дах соломою хто б вкривав?
 Ти пробач свого сина, нене,
 Неслухняним коли бував.
 Так хотілось гулять малому
 Та обов'язок над усе
 Сплю і бачу: малий солому
 Влітку дах обновить несе.
 Віднаходив тепло я в лісі,
 Бо сокира була в руці.
 Назавжди ошчасливленні, в стрісі

В теплих гніздах жили горобці.
Як би хата була без мене?

***

Село вмирає. Лиш старі тополі
Та верби, може, пам'ятають нас:
Як ми були одіті там, і голі,
А вітер хмари, наче вівці, пас.
Там біля ставу теплими ночами
Так шелестіли зорями гілки,
А рушники сміялись павичами,
Коли торкались ми рука руки.

***

Кричу я в темінь, долю гукаю:
Нема луни — холодна тиша.
Розчарування душу спіткало.
Напевне, знову невчасно вийшов.
Викинь із серця, завтра поїду.
Усміх нервовий, хто я для тебе?
Сніг кружеляє, ходить по сліду...
Гасне душа, гаснуть зорі на небі.

***

Міль їсть кожуха. Знищує тверезо.
Туман сніги з'їдає й навіть лід.
Потік образ в моїй душі, як лезо
Холодне, проклада до серця слід.
Топити кров образливо — їм свято.
Не чую я, зозулі де кують,
А критиків безкрилих так багато,
Які під серце леза роздають.

Роман ЛЮБАРСЬКИЙ

З нової книги «Зерно і посох»

Хокку з передмістя

-1-

Пір'ячком тане хмарина.
Мати на ганку
кличе до столу. Південь.

-2-

Жайвір гілку гойднув.
Пелюстки падають долі.
Травень. Усюди вишня цвіте.

-3-

Цеп колодязний рипає.
Кудлате щеня, як жоржина.
Вересень. Йду до школи.

-4-

Яблуко гупнуло.
Котиться дахом.
Листя жовкне на підвіконні.

-5-

Жовтень фарбує обрій.
Зблискує павутиння.
Знову бабине літо.

Місячні хоку

* * *

За рогом — біло.
Чорна стрічка асфальту.
За нею — обрій.

* * *

Густо пішов сніг.
Небо дарує срібло.
Друже, час уже йти!

* * *

Сніжинка дивна
Ледь торкнулась обличчя —
Довгий цілунок.

* * *

Перший пролісок —
Як найперший цілунок.
Холодна ніжність.

* * *

Бузок у дворі..
Там туркотять голуби.
Це пісня весни.

* * *

Білий метелик —
Пряха літніх хмаринок.
Не збийте пилوک.

* * *

Визирає серпень,
Немов смугастий кавун.
Зірки теж стиглі.

Олена НАДУТЕНКО

Спокійно на душі...

Поклади

Спокійно на душі, та не тому, що тихо...
 Я спокій у свій дім за вуха притягла.
 В мішок поклала біль, образи, кривду, лихо
 І в ніч глуху на цвинтар віднесла.

Там, у землі, лежать не радість і надія,
 Там суму і плачів скопичені пласти,
 Ніхто чіпати їх не може і не сміє,
 Між мертвим і живим вже спалено мости.

Уже земля взяла призначену данину,
 Скарби в ній і мерці в руїнах міст лежать,
 І я свої жалі у домовину вкину,
 Хай тризною по ним сумні вітри сурмять.

Іще зоря морозом не бринить...

Іще зоря морозом не бринить,
 Іще верба в росі не мила коси,
 Ще не димлять пострижені покоси
 І птаство безтурботно гомонить.

Та хмар уже густішають кущі,
 Волого й тепло під небес склепінням,
 І тягне за собою павутиння
 Тривалі та набридливі дощі.

Останній спалах золота лісів
Зітріє душу і печаль навіє,
Зжовтіє осінь і почервоніє,
Рясній весні готуючи посів.

Потішусь духом...

Потішусь духом рідної оселі,
Де у печі духмяно пахне хліб,
Де із сусідніх, між жоржин, садиб
На мене вікна дивляться веселі.

Потішуся садочком у квіту,
Рядочками картоплі у городі,
Лелекою, що ходить по господі,
Лелеченятами, що у гнізді ростуть.

Там, у ставку, в прозорості води
Купає небо білокрилі хмари,
У лузі мляво сунуться отари...
Таке було, як світ був молодим.

Календари не врут

Сгустится ночь, и Ангел вострубит,
В кровавый цвет окрасится заря,
Сорвёт декабрь листок календаря,
И поколеблется привычный путь орбит.

Парад планет сместит земную ось,
Природы гнев обрушится на нас.
Поймём ли мы в последний этот час,
Что прожили корыстно, на «авось».

За власть и веру чистились ряды,
 Потоп, холера, оспа и чума,
 Голодомор, Гулаг и Колыма
 Опустошали райские сады.

Элиты плодоносное зерно
 Веков перемололи жернова,
 Мука рассыпалась, над ней возшла трава,
 И плевелы заполнили гумно.

Что сотворили мы, подобные богам,
 Что за собой оставим на земле?
 Где душ приют — в раю или во мгле,
 Которую мы прочили врагам?

Когда взойдёт последний луч зари,
 Подсвеченный карающим огнём,
 Тогда мы, грешные, наверное, поймём,
 Что древние не врут календари!

ноябрь 2012 г.

Марсиане

Планеты красной омертвевший лик
 Глядит на Землю, где её сыны
 От женщин-кроманьонок рождены,
 Но помнят марсианский свой язык.

Богами называли марсиан,
 Покинувших планету навсегда,
 Где нанесённый Космосом удар
 В лёд заковал огромный океан,

Сжёт атмосферу, почву окислил
 В один момент под натиском комет.
 Но выжил тот, кто в мир иных планет,
 К спасению дорогу проложил.

Искали мы пропавшее звено
В цепочке «обезьяна — человек»,
Ломая копья в просвещённый век,
Но правду нам не скажут всё равно!

Теперь Земля, как Марс, у той черты,
Где Стикс космический безудержно течёт,
Календари кончают свой отсчёт,
Сдвигая измерения мосты.

Какая из планет нас приютит,
Накормит, обогреет в судный час?
К планете, что принять сумеет нас,
Кто из улучшенной породы долетит?

Звезда Давида

Значенье символов забыто и старо,
Но правит бал в древнейшем мире нашем
Судьба, вкраплённая в магических Таро,
И символ двух начал — клинка и чаши.

Среди руин промчавшихся веков,
Среди глубин неверия и веры
Устои сотрясает до основ
Манящий лик языческой Венеры.

Слиянье силы, мудрости, красоты
И двух начал священное слиянье
Уложены на хрупкие весы
Кровавых войн, разлук и состраданья.

И в страшный день Господнего суда,
Когда откроют книги судеб наших,
Восстанет вновь Давидова звезда
Как символ двух начал — клинка и чаши.

Людмила НИКОЛАЕВСКАЯ

Родниковой воды напьюсь...

***

Сколько дней прошло,
  сколько лет,
Как дала я себе обет:
Всё, обид в душе не тая,
Возвращать на круги своя...

На круги своя... В колесе
Жизнь закружит сомненья все,
Но напрасно жужжит молва —
Я изранена, но жива!

Я воспряну и поднимусь,
Родниковой воды напьюсь
И, обид в душе не тая,
Всё верну на круги своя!

***

Душа не дрогнет... Почему?
Не потому ль, что время всеу
Мосты над пропастью рисует?..
Но полноте: конец всему!

Воображенья зыбкий свет
То вспыхнет, то совсем погаснет.
Но, кажется, нет, не напрасен
Дрожащий на губах сонет...

И капельки росы в ресницах,
Снежинок вьюжный хоровод,
И этот зимний небосвод
В глазах уже уставшей птицы...

***

Вся жизнь в рубцах и вензелях.
Но, кажется, совсем не странно,
Что встретились мы так неожиданно,
Что так же вертится земля.

И ты уже немолодой.
И я, конечно, не подарок...
Гуляет ветер по бульварам...
Шумит и пенится прибой...

И жизнь проносится не зря:
Любовь — крупица во Вселенной,
Подарок памяти бесценный
В холодной стуже января.

...Вся жизнь в рубцах и вензелях.
Удастся нам понять едва ли,
Где мы друг друга потеряли...
Но так же вертится земля...

***

К родным могилам издалёка
Усталый путник подошёл.
Забывтый холмик одинокий.
Трава по пояс, будто шёлк.

И жизни прожитой страницы,
Как будто ливнем, пронеслись:
Родителей родные лица
Ещё улыбками цвели.

Ещё тепла на всё хватало.
Не оскудел родимый дом.
Ещё немало оставалось
Любви и соучастья в нём.

Глаза отца всё понимают.
Смеётся... Ордена горят.
А мама... Мама примеряет
Свой скромный праздничный наряд.

Огонь в камине не погаснет,
Пока хватает в доме дров..
Нет благоденствия прекрасней,
Пока в сердцах горит любовь.

Но вот уже стихают речи,
Хоть не светает за окном,
Потух камин, угасли свечи,
Осиротел родимый дом.

Но где же взять тепла и силы,
Чтоб повернуть былое вспять?..
Молчат слова. Молчат могилы.
Осталось: чаще вспоминать...

***

Сумасшедший ливень,
Небо да листва.
Бег коней ретивых.
Шалая молва.
Вопли, всхлипы, стоны,
Колокольный звон,
Храмы да притоны
С четырёх сторон.
Мчится колесница —
Шею б не свернуть!
Алые зарницы
Преграждают путь.
Ворон злой кружится,
Одряхлел совсем...
Мчится колесница.
А куда? Зачем?..

***

А душа ещё слышит, слышит
Ритм мелодий... Хотя и не в лад...
Цвет акаций над рыжею крышей,
Словно сказочный снегопад...

Дмитро ТАНСЬКИЙ

Ми співали про щастя

НоктюРН на трубі

Боже мій, як труба старалась!
Поспішала і надривалась,
Пишну мову до всіх вела,
В світ широкий любов несла.

Обіймали трубу долоні,
Грав хлопчина на підвіконні..
Я від справи відсторонився,
У тих звуках аж розчинився.

Рот розкрив — так безтямно слухав,
У руці зібгав капелюха..
Грав музика. Нічний урок
Слухав місяць... Ще й сонм зірок!..

Вберегтися не можу

Вберегтися не можу, це твердо я знаю,
Від туги — ностальгії батьківського краю,
Де лишився у квітні незрадженим вчинком
Поцілунок той перший на плесі дитинства.
Берег мрій і фантазій, човен діда на річці.
Ми співали про щастя і гадали — навічно.
Я ходив зачарований, хлоп'як босоногий..
В світ казковий схиялялась чарівна дорога...

Царицынские пруды

Искал я бывших воинов следы
В Подольске, где архив хранит ответы,
И эти знаменитые пруды
Из электрички увидал я летом.

Душа сияла. Нравственно чисты
Все помыслы о ближних были утром.
А за окном заботливо и мудро
Дождь у березок целовал листья.

В ключе мажорном стыковалась сталь,
Звенел вагон, как мартовский скворечник.
Седая колея стремилась вдаль,
Соединяя все начала в вечность.

Казалось мне, что сам я здесь — не зря,
Что мой удел — открытая дорога,
Что этот мир, открытый для добра,
Мне счастья подарить желал немного.

Пустить бы под откос свои дела!
И проявить невиданную смелость!..
Там на перроне девушка ждала.
Жаль, не меня... Но выйти к ней хотелось!

Кафе «Вдали от жён»

Красивый домик лесом окружён.
С попутчиком по киевской дороге
Заходим мы в кафе «Вдали от жён»,
Пока здесь посетителей немного.

Хозяин встретит. Кажется, не глуп.
Улыбчивый. Не шлёпает губами.
На первое предложит свежий суп
С отборными осенними грибами.

В горшках жаркое. Есть в меню балык.
 Ну что, гурман, судьбою не обижен?!
 Не зря ты налегаешь на шашлык —
 Держу пари, что пальчики оближешь!

Кассетником не глушат уши тут.
 Обходятся без курева и мата.
 Вам кофе натуральный подадут —
 Поверьте мне, что он без суррогата.

С картины в мир пустынь бредёт верблюд.
 Вокруг него песок один и только...

Перевожу глаза от вкусных блюд
 Туда, где дочь хозяина за стойкой.

Читаю «Капитал»

Ну почему сказать нельзя,
 Что потускнели люстры в зале?..
 Все в эмиграции — князья,
 В глуши сибирской — генералы?

Грустит последний костюмер,
 А платье шьют актёры сами.
 И очень редко кавалер
 Глоток воды предложит даме.

Когда воды нет день и ночь
 И отключили батареи,
 Конечно, мать научит дочь
 Уехать в Хайфу за евреем...

Ночные клубы и кафе
 Огнём неоновым сияют.
 Без сюртука и галифе
 Их господа не посещают.

Один расслабиться идёт.
Другим приходится работать.
Вчера закрыли наш завод —
Но кушать все-таки охота:

Воруют с кладбища металл,
Все, до последней, грабят дачи...
Я Карла Маркса «Капитал»
Читаю изредка... и плачу!

Що я встиг?

Скільки жити лишилось? Питаю..
Що я встиг? Чи достатньо зробив?
Ще не був в Таїланді, Китаї,
І повагу мирську розгубив.

Прагну біль розігнати та коло
Забуття і зневіру людей.
В голові, мов неприбране поле,
Незавершених в осінь ідей.

Дні біжать невловимо і стрімко —
Тож встигай засвітитись на мить.
Застарілі гортаючи знімки,
Поспішаю, бо час не спинить.

Слів чарівних мереживо в'яжу
На споруди комедій і драм.
Неважливо, де сяду чи ляжу,
Головне, що ж залишиться вам?

Анатолій ЧЕЧЕЛЬ

*Молитвами стривожених
сердець...*

***

Як хороше, що літній день звисає
Легким шовково-ніжним бурштином
Над гомінким, співучим рідним краєм,
Посріблений медовим полином.

Ромашками давно закрилось поле
Перед святим не змореним зелом,
І врунять чистим подихом тополі,
Де голуби туркочуть за селом.

Навис, як диво, молоднечий спомин,
У плоті торжествує наяву.
Під вечір сонний день залишить трони,
Сховавшись у нескошену траву.

І зойкне мить пахучими вустами,
Молитвами стривожених сердець.
Чумацький шлях покотить небесами,
Розсипавши над обрієм вінець.

Летить душа до рідного порогу,
Безсилий, мов прислужник, тихне біль.
У спадок — силоміць сплелись тривоги,
Немов у театральний водевіль.

Піаніст

Тонке зап'ястя. Довгі пальці
Ппульсують дотиком сталевим.
Затиснутий, як в лапах лева,
Із плоти й серця звук на п'яльцях:
    Зойк «Патетичної» сонати —
    Як символ стійкості і втрати,
    З-під чорно-білих клавiш щедро
    Звучить Бетховена *allegro*.
...З величним пафосом над містом —
У відповідь церковні дзвони:
На зміну втрачених гормонів —
Ковток озону піаністу.
    Мов небо впало на коліна,
    Довершена молитва стихла.
    Акорд фінальний. Зникло лихо.
    Сльозами нот застигла днина.

***

Слухай серце, доки світить сонце,
Слухай день і ніч, коли не спиш.
Слухай: може, місяць у віконці
Золотим кільцем опустить книш.
    Оживуть слова, найкращі рими,
    Всесвіт оживе, заграє мить...
    Відлетять, неначе павутини,
    Сни, і в сурми доля задуднить.
Бризне ранок — помолюся тихо,
Знов спіраль закрутить у полон.
Бризне сонце — і розіпне лихо,
І безсонну ніч зітре з долонь.

Ронделі*

Січень

У надвечір'я впало небо
 З переплетінь січневих проз,
 Під відчай і легкий мороз
 Лечу я подумки до тебе.

Та зречень зболених не треба
 В мажорний мій апофеоз,
 У надвечір'я впало небо
 З переплетінь січневих проз.

Надмірних сподівань потреба,
 Де плач людський, немов гіпноз,
 Родивсь спаситель наш Христос.
 Приніс надії, віру твердо.
 У надвечір'я впало небо.

Лютий

Хай обтяжує лютий морозом
 Та вирує снігами зима.
 Наче щойно я вишні знімав,
 А вже стигне земля під наркозом.

Поплетусь, мов безхатько, за возом,
 Назбираю утіх крадькома.
 Хай обтяжує лютий морозом,
 Та вирує снігами зима.

Вже закоханість струшує розум,
 Ранить душу незримий вулкан,
 Скільки б весен чи зим я не мав,
 Біль і смуток — нескорена віза...
 Хай обтяжує лютий морозом.

* Рондэль — давньофранцузька віршова форма з тринадцяти рядків, де обов'язкові римовані повтори з двох наскрізних рим.

Березень

Березень бринить стократним дивом,
Без ілюзій, ознаків погроз,
У єднанні рясту та мімоз
Райдужним прискоренням щасливим.

Захлинулась ніч туманом сивим,
Вибачився зрештою прогноз.
Березень бринить стократним дивом,
Без ілюзій, ознаків погроз.

Сонце щедро п'є сніги сонливі,
Щоб струмкам не бракувало доз.
Лісом грає вітер-віртуоз,
Боязно ганяє цебер зливи,
Березень бринить стократним дивом.

Квітень

У поспіху весна з полону лине,
Де вітер спить в колисці лісовій,
Вже стрілами шикуються пирій
В безмежжя — наче доля до вершини.

Миттєво захотілося віднині
З полону серцю вирватись мерщій.
У поспіху весна з полону лине,
Де вітер спить в колисці лісовій.

А сонце веселкує божевільне,
І соловейко голос відігрів,
Розплескує пісень квітневих рій,
Вихлюпує сповна в життя глибинне.
У поспіху весна з полону лине.

Травень

Мій рідний край, Всевишнього творіння!
 Гортаю звершень думи навісні,
 Складаю в стоси жайвора пісні
 У новий Гімн травневого цвітіння.

Із тих суцвіть — від прадідів коріння —
 Посію зерна в степовій борні.
 Мій рідний край, Всевишнього творіння!
 Гортаю звершень думи навісні.

Прийшла у спадок спрага для прозріння,
 Як перший промінь перекреслив ніч.
 Провини залишились в далині,
 Лиш тільки спогад проступає тінню...
 Мій рідний край, Всевишнього творіння!

Червень

Замани мене, юносте мила,
 Силоміць віднеси в далину,
 В перезрілу мою таїну,
 В той притулок серпанків на схилах,

В розмальовані полум'ям зливи,
 Як спокуса в червневім саду...
 Замани мене, юносте мила,
 Силоміць віднеси в далину.

Там сподіваний вирок щасливий
 Буйним зойком торкає струну,
 Мов з глибинної тиші луну.
 Там твоя легковажність і сила.
 Замани мене, юносте мила...

Липень

Земне життя, як тятива — струною.
Я вже відчув його терновий слід,
А ти ще не родилася на світ,
Хоч липень за Інгулом — пишнотою.

Поспішна втеча — мов з ковчега Ноя,
Та не зітреться пам'яті ліміт.
Земне життя, як тятива — струною.
Я вже відчув його терновий слід.

Не зіпсуєш вчорашньою грозою
Стежину, що від батьківських воріт,
Де чорнобривців невідступний цвіт,
Як сподівання сутності людської.
Земне життя, як тятива — струною.

Серпень

Накинув зашморг прохолоди серпень
На теплі плечі зморених полів,
І манить в летаргію сни свої
Пейзажна безмір в запізнілих перлах.

Як фрески стародавні — так нестерпно
Виснажується передзвін гаїв.
Накинув зашморг прохолоди серпень
На теплі плечі зморених полів.

Нектаром сонце проступає в зернах,
Гундосять круки, змовкли солов'ї,
Ув'язнені нахраписті рої,
Солона мить лукавить в голих нервах.
Накинув зашморг прохолоди серпень.

Вересень

Родилась Діва — то найбільше свято,
 Мов повинь вересневої краси
 Із вітру кришталями і роси,
 Спіткнулось небо, загуло набатом,

Дощами стрепенулося завзято,
 Серп місяця фатальністю косив.
 Родилась Діва — то найбільше свято,
 Мов повинь вересневої краси.

Защасливіти б хвильку небагато,
 Вінком блаженства заблудити б в сни,
 Тоді й тебе там поцілує син,
 Гаряче серце вибухне мов атом...
 Родилась Діва — то найбільше свято.

Жовтень

За вікнами старого храму
 Шепоче жовтень у дворі,
 Молились тихо матері
 Творцю канонів — Феофану,

Земля — віттар, там Богом даний
 Зачаття чесного Тигрій.
 За вікнами старого храму
 Шепоче жовтень у дворі.

І кожен день, в годину ранню,
 В пустелі не здійснених мрій
 Цілюючих дев'ять літургій
 Прощення — дійство без обману
 За вікнами старого храму.

Листопад

Упало листя в сушу трав
Шматком імлістим листопаду,
Що без турботи, без поради
Мости в зазим'я збудував.

Украли тишу зграї гав
І сік з полотнищ винограду.
Упало листя в сушу трав
Шматком імлістим листопаду.

Не гріх чесноти я шукав —
Слова і фарби струн парадних,
Ввірвалась Доля — древній радник —
Зіткала пізній блиск отав...
Упало листя в сушу трав.

Грудень

Нанизую бажань руїни
Раптовим спалахом зірниць,
Що в порожнечу впали ниць
Снігами — ніби згустком піни.

Найдовша ніч фарбує стіни
Під колір місячних криниць.
Нанизую бажань руїни
Раптовим спалахом зірниць.

Торкнуса клавіш піаніно
З аплікатури плутаниць,
В грудневі відчаї дрібниць
Душа не стане на коліна...
Нанизую бажань руїни.

Сергей ШПУДЕЙКО

*Любовь — не вздохни на
скамейке...*

У любви глаза счастливые

Май цветением неистовым
Захлестнул весенний сад...
У цветов глаза лучистые,
Да твои — сильнее горят!

Восхищаясь их сиянием,
В соловьиный верю бред
И сердечному признанию
В зазывном твоём «Привет!»

Отложу дела досадные —
Позже время им найду!
За тобою, ненаглядная,
В рощу тёмную войду.

Что там будет, не признаемся
Никому — ни ты, ни я!
Сокровенное достанется
Томной песне соловья.

Знаю, роща говорливая
Соловью продаст секрет.
У любви глаза счастливые,
Кто же скажет счастьем — нет!

Май цветением неистовым
Захлестнул весь белый свет.
У цветов — глаза лучистые,
Да твоим — сравненья нет!

Осень, жёлтая вьюга...

Осень, жёлтая вьюга
Затекает свой вальс.
В эту сказку, подруга,
Приглашаю я Вас.

Позади ликование
Синеглазой весны,
И любви воздыханья,
И короткие сны.

Отпылали и лето,
И сердечный пожар,
Преподносит поэту
Осень песенный дар.

Осень, жёлтая вьюга
Затекает свой вальс...
В эту сказку, подруга,
Приглашаю я Вас.

Ах, эта страсть...

Говорит душе душа:
— Ты — хорош!
— Ты — хороша!
Так за чем же стало дело?!
Потянулось к телу тело!

Всё из-за дыма

Ты хороша, неповторима!
 И ты достойна быть любимой.
 Но из-за дыма
 Я разговор прервать спешу:
 Я дыма не переношу!
 Всё из-за дыма,
                     из-за дыма
 Не стала ты моей любимой.
 Ты хороша, неповторима,
 Но из-за дыма
 Я разговор прервать спешу,
 Я дыма не переношу.

ИЗ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Быть вдвоем несказанно счастливыми

Я на крыльях любви лечу,
 Нежный образ твой в сердце лелею,
 Обласкать, обогреть хочу,
 А встречаю тебя и немею:
 Перед глазами небесно-синими,
 Милых губ родниковыми ливнями,
 Перед улыбкой рассветной гаммы,
 Перед единственной — самой, самой.

Привет:

Я к тебе возвращаюсь всегда —
 Неразгаданной, нерассказанной.
 Ты — и радость моя, и беда,
 И безумье мое, и разум мой.
 Через годы и расстояния
 Я к тебе лечу на свидания —
 Поделиться чувств переливами,
 Быть вдвоём несказанно счастливыми.

И пускай нас ревнует жизнь,
Свежесть чувств я сберечь сумею.
Ты мне только слегка улыбнись,
Обещай быть всегда моею.
Я прикоснусь к тебе теплым дыханием,
Музыкой сердца, другим недоступной,
Радостью жизни, ее ликованием,
Детским доверием неподкупным.

Привет.

Ветеранам Великой Отечественной

Годы песни седые поют,
Раны — в вихри боев возвращают.
Но солдаты, как прежде, в строю
И сквозь пламя в бессмертье шагают.

Привет:

Позади боёв невзгоды,
Чёрный ворон не кружит,
Но жива любовь народа
К вам, отстоявшим право жить.

Внуки новые песни поют
И о звёздных маршрутах мечтают.
Право им на победу свою
В том победном вы добыли мае.

Привет.

Время вызов бросает нам вновь,
И Чернобыль нам нервы вскрывает,
Но великая слава отцов
Вместе с нами по жизни шагает.

Привет.

Андрей ШУЛЬГА

*Невозможно прожить без Бога***Разочарование**

Сгорел дотла и по ветру развеян
Строптивый пыл отчаянной души,
И я уже, наверно, не посмею,
Как прежде, балагурить и грешить.

Что не восстать из пепла — суть не в этом,
Нельзя сыграть на порванной струне.
Увы, закат не может стать рассветом,
Трепещет жизнь в разжатой пятерне...

А что луна, разносчица печали?..
Она опять косит в мое окно.
Скрипит перо, усну теперь едва ли...
А впрочем, мне, пожалуй, всё равно.

***

Бываем мы слишком жестоки,
Когда забываем порой,
Что только пороки, пороки
Хоронят душевный покой!

И слева, и справа погосты,
Распяли больную страну...
Друзей потерять очень просто,
Не просто — загладить вину.

И с горечью пепла и пыли
Слеза проникает в гортань,
Как больно, что чувства остыли
И Богу не отдана дань...

Стою перед ликом нетленным —
Отныне хочу быть смиренным.

***

Похолодало. Дождь прошёл.
Угомонился пух настырный.
И солнце спряталось за ширму,
Как будто меряет камзол.

Неробкий нежный ветерок..
После жары — блаженство тела.
Душа поёт! Переболела.
Прошёл недуг — всему есть срок.

***

Порою святые уходят в злодеи,
Когда их лишают крылатой идеи,
Их личные чувства, мечты, интересы
Становятся темой бессовестной прессы,
А исповедально-кристальные думы
Хранятся в архивах жрецов-толстосумов.
Они — составители списка изгоев,
Не чувствуют смрада прокисших устоев —
Знамёнами машут под старые марши,
В плену лицемерия, лести и фальши.

***

Никуда не уйду — знаю.
 Даже если я — сын Рая.
 Все стихии — в горбушке хлеба!
 Я всегда буду частью неба.
 Невозможно прожить без Бога,
 И мгновений не так уж много...

***

Некто — ликующий на панихидах,
 В души вливающий вязкую ртуть —
 Хочет, чтоб не забывались обиды,
 И преграждает к истине Путь.

Бледные лица у тех, кто боится,
 Стиснуты зубы у тех, кто молчит.
 Нужно открыться, чтоб помолиться
 И раствориться в свете свечи.

***

Прости, если сможешь.
 Мурашки по коже...
 О Боже! О Боже!
 Какая тоска!
 Не стать нам моложе,
 И плакать негоже,
 Пусть день непогожий,
 И ствол у виска.

Не каяться боле,
 Крича в чистом поле
 От боли... При воле!
 Держи дурака!!!

...Нет шитой рубахи.
Нет судей. Нет плахи.
И даже нет страха.
Одни облака.

ВЫХОД

Лабиринтов глухих тупики
Не влекут за собой перемен...
Так давайте возьмём молотки
И забудем о прочности стен!

***

Как сладки утешения,
дающие надежду,
И, может быть, когда-нибудь
окончатся скитания —
Примкну к родному берегу
и встречу бриз прибрежный,
Навеянный прощением,
у бухты ожидания...

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Проза

Світлана ТИМКО

Історія однієї шуби

Одного сонячного осіннього дня жительки вулиці, по якій проживала літня вчителька Лариса Федорівна Сокур, були шоковані. Їхня сусідка, семидесятирічна пенсіонерка, ні з того ні з сього поїхала в місто і привезла звідти шубу за п'ять з половиною тисяч.

Спершу вона познайомила зі своєю шубою Зою Михайлівну, теж колишню вчительку, яка жила неподалік.

По виразу очей Зої Михайлівни сусідки зрозуміли, що шуба безцінна.

Сусідки почали гадати: що це значить? Чи сповна розуму їхня товаришка, чи заміж зібралася, чи на якусь виставку у місто?

Якщо заміж — то за кого? Років п'ять один вдівець таки хотів засватати Ларису Федорівну, але жінка категорично відмовилась:

— Моєї пенсії вистачає лише мені одній, а годувати приймака нема за що!

Зрештою зібралися до Лариси Федорівни втрьох: Лідія Горобець, зморшкувата страшенна песимістка, недовірлива та невіруюча ні в що, Галина Гнатенко, яка все ще таємно вважала себе красунею, та Катерина Волошина, низенька сутула жіночка з широкими чоловічими плечима.

Лариса Федорівна їх зустріла радісно, ніби давно чекала. Дістала шубу з шафи, одягла і кілька разів крутнулася навкруг себе, щоб краще було видно всі деталі, і назвала ціну. Всі замовкли...

Першою, оговтавшись, озвалася Катерина:

— Гарна шуба, але скажи на милість: куди ти її будеш одягати?..

Господиня вийшла на веранду, закип'ятила чайник, дістала своє знамените вишневе варення і запросила до столу.

— Пийте чай, жіночки, — мовила привітно, — а я вам тим часом розповім історію цієї шуби.

Сусідки взялися за чашки, але погляди їхні були спрямовані на господиню.

— Я з бідної сім'ї, та ще й великої, — почала розповідь колишня вчителька. — Нас, дітей, було семеро. В сорок сьомім голодувала моя сім'я, їли зелене вишневе листя, калачики, збирали весною на полі залишки торішньої картоплі і пекли з неї оладки. Виросла я в далекому глухому селі за п'ятдесят кілометрів від залізничної станції та за двадцять п'ять від райцентру. Тоді, відомо, телевізорів не було. Довгі роки я не бачила, що є на світі великі міста з красивими будинками та парками. Не знала, що є м'які крісла, золоті прикраси, смачна їжа. Пам'ятаю: у нас дома було продовгувате блюдо, в якому завжди лежало мило. Лише згодом зрозуміла, що це було спеціальне блюдо для риби. Це була, мабуть, єдина річ, яка залишилася в сім'ї від колишнього заможного життя родини. Десь у сімнадцять років вперше побачила поїзд та побувала в місті. Нестерпно захотілося пожити нормальним людським життям...

Але вивчилася й вийшла заміж за такого ж бідняка, як і сама. Чоловік працював трактористом, скалічив на роботі ногу і став інвалідом. А тут дочки підросли, немов панянки вродливі та пишні. Треба було їх вчити. Тяжко жилося, але хоч в цьому пощастило: дочок за красу розібрали в нас зарані заміж — і їм стало краще жити, ніж мені у їхні роки.

Але, як ні жилося, я все ж щомісяця відкладала кілька десятків рублів на ощадкнижку — на майбутнє заможніше життя. Вже як дочки заміж повиходили, побудувались, розжилися, тоді я дала собі волю. Всі кошти відносила в ощадкасу, щоб скоріше придбати гарний будинок. Пам'ятаю:

Павло, мій чоловік, не раз прохав: «Ларисо, купи мені новий костюм, ти ж бачиш, в якому я ходжу — мені соромно перед людьми за себе і за тебе теж. Ти ж у мене вчителька».

«Зачекай, Павлику, — потішала чоловіка. — Ще зовсім трішечки залишилося чекати. Купимо гарний будинок, і все тоді буде».

Вже ось-ось мали купити будинок, вже прицінювалася. Останній мій внесок на ощадкнижку вирівняв вклад: ми мали рівно двадцять тисяч радянських рублів. Навколо мене руйнувався звичний світ, а я з радощів, що маю кошти на гарний будинок, нічого не помічала і не розуміла. Знайшла будинок, за ціну домовилися. На той час схожа була на мишу, яка вхопила в свої лапки сир, але пастка в ту ж мить закрилася. Грошей з книжок наказано було не віддавати до кращих часів. На зарплату почали видавати купони. Влада, як спритна циганка, показала нам фокус: були гроші і зникли безслідно. Страшно згадати: люди вірили, що в незалежній Україні немає грошей, а в той час почали з'являтися власні котеджі, дорогі автомобілі, заморські хатинки. Далі заявилася гривня. Стало зрозуміло, що знову заощадити на будинок — можливостей не буде. На пенсію багато не наскладаєш. Не можна розповісти словами про наш відчай...

Невдовзі чоловік мій помер, не дочекавшись ні нового костюма, ні гарного будинку. Мої мрії про гарний будинок та гарні речі теж померли разом з ним.

Так і залишилася я в старому будинку, ніби якась ледащиця або п'яниця. Сусіди встигли побудувати собі нові будинки, в мене чоловік був інвалід, тому ми збирали гроші на купівлю вже збудованого іншими. До сьогоднішнього дня жаль втрачених грошей. Зрозуміла: я вже ніколи не зможу одягти коштовних сережок, не бачила і не побачу себе в гарній шубі, нічого коштовного не залишу дітям. А могла! І тоді я знову взялася за своє, зробила останню спробу, як спортсмен, у якого відкралося друге дихання.

П'ять останніх років я пила і їла майже один чай і оце зібрала гроші на цю шубу. Зменшилося в душі на один жаль і на одну радість збільшилося. Побачила таки себе в шубі, побачу ще й дочку в цій шубі. Друга донька у мене на заробітках за кордоном. Не знаю, чи побачить вона себе в шубі, адже всі гроші надсилає дітям. Така ось моя доля та історія моєї шуби. Хай мені Бог вибачить, але можна здогадатися що я думаю про тих, хто привласнив мої кошти. Спасенна тим, що хоч не хворіла ці роки. Не бачити тоді б мені шуби...

Схвильовані сусідки витирали сльози.

— Ми так само обкрадені, як і ти, — підсумувала Галина Гнатенко. — Через болячки я не могла і думати про кошт-вну річ. Думала про те лише, як вижити. Проте будинок з чоловіком ми встигли збудувати. У нас зовсім мало пропало на ощадкнижці.

В цю мить Лариса Федорівна ойкнула і вхопилася за серце.

Жінки кинулися до неї:

— Що ж це з тобою, сусідонько?!

— Це, мабуть, твоя шуба тобі боком вилазить, — дорікнула Катерина Волошина. — Тобі ця шуба дорожче обійдеться, ніж ти думаєш.

— Ні, це все від спогадів, — тихо мовила злякана жінка. — Ще раз так кольне, то чи й жива лишуся...

— Де ж ти візьмеш гроші на ліки, та, борони Боже, на похорон? — допитувалася Катерина.

— Доньки поховують, — крізь силу мовила господиня. — Я помру спокійною. У мене була вимріяна гарна шуба — і буде в моєї дочки.

Сусідки лише стенули плечима.

Анатолий ЮРЧЕНКО

*Лихорадка послелюфского
периода*

(Рассказ в трёх новеллах)

1. В те времена...

Ночью штормило, гранитные удары волн о берег долетали до спальных корпусов, а утром санаторий сошёл с ума.

И виной всему стало море.

Уже несколько дней ветер раскачивал его воды, как дети раскачивают тяжёлые качели, пока волнение не достигло самых глубин и ночной шторм не довершил начатое: под многотонным напором стронулись донные слои и залежи — ископаемые, впечатанные в янтарную смолу древние верхнемеловые и палеогеновые леса, а море щедро швыряло обломки на берег. Янтарь! Пошёл янтарь!..

И на санаторий свалилось янтарное безумие.

Янтарная лихорадка не пощадила никого. Вчерашние пациенты грязелечебницы, закатав до колен штаны, бестрепетно лезли в холодную балтийскую воду. Менее решительные, опустив головы, часами бродили по берегу, у кромки прибоя, забывая о расписании процедур и времени обеда, пока не начинало рябить в глазах. А за их спинами море выбрасывало кусочки янтаря и тут же смывало обратно. Прибой с шипением захлёстывал туфли, а дождь мочил согбенные нечувствительные спины. Такую картину я застал, когда спустился на пляж после завтрака.

И замер от изумления — что это?!

Мне вежливо, хотя и несколько торопливо, объяснили. Объясняющему не терпелось поскорей отвязаться от профана и вернуться к прерванному занятию. Пока он проявлял вежливость, море продолжало играть янтарём, самыми лучшими кусками, которые могли стать либо добычей, либо уйти обратно на дно...

И это было бы нестерпимо!..

Большая куча какого-то мусора возвышалась прямо посреди пляжа. И кое-кто рылся в этой мешанине водорослей, чёрных деревяшек, похожих на коряги, и ещё невесть чего. Я решил, что кучу принесло море. Но, скорее, здесь ещё на рассвете побывали местные ловцы янтаря, более умелые и осведомлённые, чем случайные пациенты санатория.

Лишь много позже я узнал, как ловят янтарь умельцы.

Они не ищут наугад, не вылавливают отдельными кусточками. В непромокаемых комбинезонах по грудь, орудую огромными сачками на длинных палках, они ухитряются угладеть и выловить из взбаламученной воды тёмные скопления древесных обломков, водорослей и — янтаря! Всё, что попадает в сачок, вываливают на берег, выбирают крупные, имеющие ценность куски, а ни на что не годную мелочь оставляют нетронутой. И некоторые из отдыхающих тоже успели вооружиться сачками — но небольшими, какими-то несерьёзными, похожими на самодельные.

Наверно, эти ловцы отдыхали здесь не впервые...

Янтарь пошёл не только у санатория — по всей протяженности берега, видимого со смотровой площадки над обрывом. Уже на следующий день светило солнце, море заметно утихло, и на песке вдоль воды отчётливо сияла сплошная полоска мелких, меньше кончика ногтя на мизинце, янтарных крошек. За час-полтора ими можно было наполнить алюминиевую пробирку из-под валидола. В те времена он, валидол, продавался именно в таких пробирочках, а не в ячейковых упаковках, как сейчас.

В те времена...

Сказав «а», придётся сказать и всё остальное. Неторопливое, похожее своей неспешностью на древнюю янтарную смолу, медленно текло начало восьмидесятых прошлого века, тихое застойное время. Санаториев в огромной тогда стране было много — ведомственных, профсоюзных, министерских, профильных и даже колхозных. Путёвки стоили недорого, санатории не пустовали...

Но ведь и не всем желающим удавалось в них попасть...

Санаторий, в котором я оказался, находился в небольшом городке километрах в тридцати от Калининграда, неподалёку от южной оконечности Куршской косы, на земле бывшей Восточной Пруссии. Курортом городок стал ещё в начале девятнадцатого века. Перед войной и во время войны здесь, как нам рассказывали, отдыхали воздушные асы Геринга. В 1945-м наши войска взяли городок решительным штурмом — в один день и почти без разрушений. В отличие от того же Калининграда — Кёнигсберга. Санаторию в целостности и сохранности достались в наследство и здание грязелечебницы, и множество выстроенных ещё немцами дач, коттеджей и особняков, переделанных в спальные корпуса с многоместными комнатами. Был построен и так называемый современный спальный корпус — дисгармонирующая со старой архитектурой прямоугольная коробка в несколько этажей.

И все эти спальные корпуса — от мала до велика — были заполнены.

И все отдыхающие преобразились в ловцов янтаря. «Старателей». В иные часы пляж санатория становился похож на Невский проспект, запруженный народом в часы пик. Или — на улицу Горького в Москве...

Да, Санкт-Петербург в те времена был ещё Ленинградом. Улица Горького — улицей Горького, а не Тверской...

Но что это меняло, если обитатели санатория превратились в самых настоящих героев Джека Лондона — из куда более давних времён знаменитой золотой лихорадки?..

Море, однако, утихло окончательно, не швыряло обломки янтаря, не играло ими в пене прибоя, и янтарная лихорадка пошла на убыль сама собой. И только самые удачливые, уезжая из санатория, увозили домой маленькие кусочки солнца, кажущиеся тёплыми даже на ощупь. Того самого солнца юрского и мелового периодов, когда человека ещё не было и в генеральном проекте.

Пусть этот янтарь и стоил им здоровья...

2. «Не в те» времена...

Лет десять спустя я попал в этот санаторий ещё раз. Не в янтарный сезон. Но всё равно находились любители, готовые часами бродить по берегу в поисках янтаря. Бродил и я — от завтрака до обеда и от обеда до ужина, загуливаясь иногда до темноты.

И догулялся...

В сумерках, возвращаясь к санаторию и почти дойдя до начала подъёма к столовой, я вдруг увидел группу молодых людей — явно моложе меня, — идущих навстречу с другой стороны пляжа. И невольно ускорил шаг. Иное время, отличное от начала восьмидесятых, время, наполненное агрессией, стремительно несло нас.

Иные, не янтарные, неистовствовали штормы.

Уже была изувечена «Даная» в Эрмитаже. Уже содрогнулась страна от ночи сапёрных лопаток в Тбилиси. Уже всю кипел котёл Нагорного Карабаха, готовый взорваться войной между Арменией и Азербайджаном, а в Вильнюсе, в соседней с Калининградской областью Литве, уже была взята штурмом телебашня... Под напором видимых и невидимых течений огромная страна разваливалась на куски.

И было это куда менее романтично, чем дробление янтарных скал под напором воды в глубинах моря...

В столовой санатория кормили хуже, чем каких-то десять лет назад, а продукты в магазинах продавали только тем, кто обладал местной пропиской...

— Эй, привет, — раздался оклик позади меня.

Видимо, молодые люди шли всё-таки быстрее, чем мне показалось. Нейтральный такой, адресованный мне оклик, но одновременно похожий и на «стой — кто идёт».

— Привет, — откликнулся и я столь же нейтрально, оглядываясь, но не замедляя шаг.

Всем видом показывая — я не против поздороваться, но видите же — торопится человек... Просто торопится... да и всё, и не потому, что вас много, а он один...

— Эй, а ты откуда? — раздался ещё один голос.

Тоже как будто нейтральный. И тоже какой-то... прощупывающий...

— Украина, — честно ответил я после короткой паузы, отчётливо понимая, что говорю на слишком чистом для Украины русском языке...

— Да здравствует Украина, — послышалось сзади.

И опять почудилась та же прощупывающая интонация...

— А вы откуда?

— Армения! — Это было произнесено с гордостью.

— Да здравствует Армения, — сказал я вежливо и пошёл дальше, чувствуя, что компания позади сбавила шаг и расстояние между нами постепенно увеличивается...

Продолжает оно увеличиваться и сегодня.

3. Запонка

Тот санаторий жив по-прежнему. Но сказочный янтарный берег превратился для многих, кто побывал здесь хотя бы однажды и хотя бы на день заразился янтарной лихорадкой, в самую настоящую заграницу. И для самих россиян — почти в заграницу. Попасть сюда по суше можно только через две бывшие союзные республики, дважды в каждой из них пересекая границы, проходя пограничные и таможенные процедуры, — через всё ещё братскую Бело-

руссию и вежливую, но уже не братскую Литву. Либо — через две подряд вежливые и уже не братские...

Но, как и двадцать, и тридцать лет тому назад, по-прежнему грохочут у тех берегов янтарные штормы.

А значит, янтарное безумие вновь и вновь овладевает отдыхающими. Да и сам я, окажись там сегодня, наверно, не удержался бы и позволил себе то, чего не мог позволить тридцать лет назад — попав в санаторий из-за травмы, всё ещё прихрамывая и не рискуя лезть в холодную воду...

Но, оказалось, ловить янтарь можно и по-другому — играя.

О, это была прекрасная игра!.. Нужно было броситься вслед за отбегающей волной и, прежде чем накатит новая, успеть выхватить из пены влажно светящийся кусочек янтаря.

Янтарь, свежий обломок, не успевший покрыться коркой от трения о песок, и в самом деле светился.

Среди мусора, сорванного морем со дна, всплывающего и тонущего в пене набегающих волн, светился только янтарь. Иногда его удавалось поймать.

Чаще — он ускользал мимо пальцев...

Вечером, перед ужином, пустел пляж. Стихал дождь. Красным фотографическим фонарём проглядывало на стыке туч и воды закатное солнце.

И всё вокруг менялось.

Море становилось красноватым. Темнел песок. Высокий отвесный берег был почти чёрен. Но и в этом приглушённом свете янтарь продолжал светиться — хотя иначе, чем днём. И никто не мешал играть с морем в салочки, один на один, ведя счёт на попытки и пойманные кусочки.

И всё дальше уходя от санатория вдоль обрыва...

Спуск к морю был обустроен и облагорожен только вдоль пляжа, принадлежащего санаторию. А дальше — и влево, и вправо — сплошной стеной тянулись высокие неприступные обрывы.

Наверно, таким был этот берег ещё до того, как пришёл сюда человек.

Неширокая полоса намывного берега, то есть тоже пляж, но естественный, много уже санаторского, отделял подножие обрыва от моря. И, когда начинались зимние штормы, не замерзающее в этих краях море перехлёстывало через пляж и подмывало обрывы. О том, что они опасны, отдыхающих предупреждали специально. Несколько лет назад тяжёлый оползень заживо похоронил трёх заигравшихся мальчишек.

Но кто помнил об этом в азарте янтарной лихорадки?..

А если ловец-самоучка успел вдобавок побывать в музее янтаря в Калининграде? Если наслушался рассказов экскурсоводов о том, что любой, кто захочет, способен прямо у себя дома превратить кусочек янтаря в произведение ювелирного искусства?..

А если ещё и повезёт?..

И в добытом кусочке древней окаменелой смолы после шлифовки и полировки проступит какая-нибудь древняя букашка?..

Старше самого человеческого рода...

В тот вечер я, кажется, выигрывал: туфли всё ещё оставались сухими, а карман плаща влажно тяжелел с каждым пойманным кусочком... И уже собирался уйти, когда в лучах заката что-то блеснуло у ног красно-золотистым цветом.

Я удивился и, пока накатывала следующая волна, успел поднять находку.

Это был не янтарь — запонка... Красивая и не дешёвая, сделанная в Индии. Точно такие же запонки я получил когда-то в подарок в день рождения и зашлифовывал манжеты выходных рубашек. Но не пригнал же её прибой — кружным путём, через два океана, — из самой Индии?.. Может быть, следовало прикрепить объявление на дверях санаторской столовой — для ротозея, который её потерял?

Или оставить себе как запасную?..

Я выпростал из рукава манжету рубашки и... это была моя запонка! Распиленная манжета болталась совершенно свободно... И вторая манжета оказалась без запонки. Впору было рассмеяться!.. Море просто обменялось выигрышами: янтарь — на запонки, запонки — на янтарь. И вернуло только одну, чтобы стало ещё смешнее...

Я пошарил глазами вдоль кромки приборя — нет, ничего...

Темнело всё стремительнее. Пора было возвращаться в санаторий. Я сделал шаг, другой, третий... Как вдруг очередная волна лизнула мне туфли и откатилась, великодушно оставив на песке и вторую выигранную у меня запонку.

...Назавтра я уезжал, срок моей путёвки закончился. Утром, ещё до завтрака, я спустился к морю, проститься.

Оно было тихим и ясным.

Ничто не говорило, что кто-нибудь с утра ловил здесь янтарь. И самого янтаря не было и в помине. Лишь какая-то виноградинка с подгнившим бочком попалась по дороге. Она валялась на песке, словно кто-то, кто прошёл здесь до меня, отщипнул её от грозди и, едва донеся до рта, брезгливо отбросил в сторону. Я дошёл до того места, где вчера заигрался в салочки, и улыбнулся морю, как сообщнику. И повернул назад.

Виноградинка лежала на том же месте.

Может быть, её принесло волной? Кто-то стоял у борта судна, ел виноград, и одна виноградина упала в воду?..

Улыбаясь, я прошёл мимо.

И вдруг замер. Какой такой виноград? За три недели в санатории я не видел ни одной виноградной грозди. Нигде и ни у кого!.. Почти бегом я вернулся обратно, наклонился к песку и поднял округлый кусочек янтаря — размером с виноградину, с коричневым вкраплением сбоку...

Море улыбнулось в ответ. На прощанье...

Дмитро ТАНСЬКИЙ

Півір на вільну тему

Як ми не відмовляли Надю від тієї напівциганської Італії, бо нагострилася туди їхати на заробітки, хоча й була у нас слухняною донькою, збити її з наміченого плану нам не вдалося. Втішав мене з старою єдиний аргумент на її користь, що їде не в туманну далину, а зробила туди виклик Оля — давня подруга, однокурсниця, що вчилася з нею на зоотехніка у сільськогосподарському інституті.

Олі підвезло, бо зустріла випадково у відрядженні не порожнього Карла, а підчепила італійця-холостяка собі на гачок. А у нього вдома є чимала нерухомість. Свою піцерію має. Дітей з Олею вже настругав трійко і, звичайно, не з поліна, то жінка їх виховує, а Надя піцу стане розносити та столи витиратиме, і поки її син, а наш онук Владик закінчить школу, щось на вище навчання йому заробить.

Відправлялася Надя у ту «чобіткову» далечінь зовсім не охоче. На прощання сплакнула і заявила, хто ж потурбується, як не вона, про майбутнє свого сина. Наказала Владіку слухатися діда і бабу, бо вони стають другими батьками.

Засумували ми з бабою. І було від чого. Хочеш не хочеш, та до своєї юності треба повертатися. Тут і не вблагаєш, і матюками справу не залагодиш.

Зять першим у нашій комунікації на відрив пішов. Раніше у райміжколгоспбуді виконробом працював. Такий тваринницький комплекс він зі своєю бригадою разом відбухав! Але знищили громадське тваринництво — виявилось, стали нікому не потрібні роботящі руки доярок, доглядачів, ветеринарів і зоотехніків. Та й будівельники, слюсарі, електрики

опустили руки, бо нічого стало будувати і ремонтувати, а ми давайте, шановні дурники, пограємося в перебудову!

Тож наступила перебудова й у нашій родині. Зять Олег, коли розвалився райміжколгоспбуд, узявся за «халтури», допомагав небідним господарям зводити котеджі. Спиватися почав й приховувати гроші. Почалися сварки, бо Надя залишилася без роботи, пішла працювати сапальницею у ланку на буряки, а ця робота, як ви самі розумієте, сезонна, багато з неї не витягнеш. Олег почав додому запізнюватися, а потім і зовсім уночі не явився і оголосив, що вирішив подавати заяву в суд про припинення їхнього шлюбу. Присудили йому аліменти, а з яких заробітків їх брати, як він ніде не числиться? Позичив чоловік очі у Сірка та й подався шукати кращої долі у Росію.

Залишилися ми, я з бабою, мов два не потоплені судна. Діватися нікуди! Третю молодість Бог дав — онука виховувати. Добре, хоч Владик росте слухняним, розсудливим хлопчиною. У сьомий клас ходить. Але в один із похмурих осінніх вечорів онук ледь не зіпсував нам настрої короткою записочкою від своєї класної керівниці, яка настійно прохала прибути у вільний час до неї.

«Та нічого такого я не вчинив, — відповів Владик, коли я прочитав писульку і звів очі на нього. — Може, на заправку ксероксу гроші збирають».

Таміла Іванівна — вчителька серйозна, через дурницю викликати не буде. Але які там таємниці можуть бути, якщо наш онук не вліз в якусь халепу? До школи недалеко, це не те, що я ходив раніше за п'ять кілометрів у сусіднє село, бо в нашому тільки було початкова.

— Перепрошую, я б хотіла з вами порадитися, — привітно зустріла мене Таміла Іванівна на порозі вчительської. — Тут ваш онук написав твір на вільну тему, а я... я і не знаю, що мені з ним робити?

Не на жарт розхвилювався. Різні думки полізли у посивілу голову. І в першу чергу вирвалася зрадлива, сороміцька:

— Що, нецензурну мову використав? Ніби не помічав у нього схильності до такого...

— Та ні. Ось його зошит. Я ще не давала учням аналізу написаних творів. Але доведеться. І, зізнатися, боюся реакції дітей. Прочитайте...

Відступати було нікуди. Але що ж так вразило досвідченого педагога у творі семикласника? Я витяг з нагрудної кишені піджака окуляри і розгорнув загального зошита Владика. Писав він розбірливо, зі знанням орфографії і пунктуації.

«Мрії про щастя українця» — так назвав свій розумовий витвір онук. І його початок не давав підстав для хвилювання. Раптом я стиснувся і почав пітніти, ніби розвантажив цілу машину вугілля. Хоча в кабінеті було й не жарко, я схопився за носовичок, бо рясний піт почав збігати з голови. І де це він такого встиг нахвататися?!

«Ми читаємо гарні вірші, прозу і слухаємо чарівні пісні про Україну, — написав він, — і кожен клятвено завіряє, як він її любить. Частина письменників перейшла в народні депутати, бо зрозуміла, що сидіти в теплих кріслах парламенту зручніше, ніж вчити совісті напівголодних дітей у холодній кімнаті. І кожен розписується, як він любить рідний народ і многотраждальну країну. Особливо стараються народні обранці, які із рідного села перебралися у велике місто. Вони вказують на недоліки, чубляться між собою, повертаються, як той флюгер під вітром, з однієї партії в іншу, де краще годують. А в цілому збиваються в зграю, яка шукає, де урвати з людей, щоб залатати дірки у річному бюджеті.

«Реформатори» пишуть закони, які обмежують права людей на прожиття, поліпшення здоров'я, культури, забувають про інвалідів та літніх людей. Про село згадують лише двічі за рік. Перший раз, коли збираються засівати

поле, а вдруге — коли співають осанну хліборобам, які зібрали урожай, а вони їм, замість пільг на пальне і оздоровчих путівок до теплого моря, вручають почесні грамоти і медалі. Від закупівельників і перекупників восени не відіб'ється! Подавай їм бички, свині, молоко, мед, картоплю, зерно! Ну і, звичайно, за безцінь. Видадуть липову квитанцію, клятвено завірять, що розрахуються потім, а там пригадуй як звали! Хати опустіли, в них люди повмирали або поперебиралися ближче до цивілізації. По закінченні школи молодь тікає з села у місто. А що їй тут робити? Клуб на замку. Спортом ніхто не займається, наш фізрук вийшов на пенсію, а його уроки замінюють іншими. Та візьміть за приклад моїх батьків. Вони поїхали шукати кращої долі. А як хотілося, щоб знайшлись розумні люди, що витягнуть з прірви село...»

Таміла Іванівна відкрила фіранку. Допитливо глянула на мене. Її можна зрозуміти. Передпенсійний вік, якось треба утриматися в школі. Інспектори з району часто наїжджають та придивляються, яку б одиницю скоротити: чи об'єднати класи, або перевести старшокласників у сусідню школу.

— Візьму я гріх на себе, — заспокоїв вчительку, — відправляю я поштою зошит міністру освіти або, ще краще, нашому Президенту, хай хоч прочитає. Цілком можливо, що йому ще й не таке пишуть. А дітям скажіть, що дід забрав твір, а що з ним робитиме, то його вже справа...

Уляна ГОРЯНА

Трав'янка-івоздичка

(Легенда)

Василинка збігла зі сходинок, притримала хвіртку, щоб не грюкнула, і опинилася на березі.

Невдовзі наздогнала сусідських дітей, підбігла до них і почула:

— Іди собі... Ми із такими, як ти, не дружимо!

— Із якими? — здивовано підвела оченята на трішки вищу дівчинку. — Що зі мною не так? Хіба ж я зла? Я нікого не ображаю!

— Іди собі... Байстрючка!..

Дівчина стояла розгублена і кліпала довгими віями, із яких почали скапувати величезні сльозинки.

Раптом, ніби із землі, перед нею встала дівчинка і простягла до неї ручки.

— Не плач даремно... Віддай мені свої сльози, я їх посаджу — і виростуть квіти, — промовила ласкаво, підставивши свої долоньки до личка Василинки.

Трішки почекавши, Василинка відповіла:

— Якщо мої сльозинки тобі потрібні, то й візьми!

— А хочеш, ми разом посіємо твої сльози? — запитала дивна дівчинка, стискаючи долоньки, мокрі від василининих сліз.

— Хочу! — згодилася Василинка і простягнула до дівчинки свою теплу руку.

— Як тебе звати? І чому ти плачеш?

— Мене Василянкою звать. Плачу я, бо в мене немає тата і тому Вітка і Светка зі мною не хочуть дружити.

— А мене називають Трав'янкою...

— Дивне в тебе ім'я!

— Та нічого дивного... Ім'я як ім'я! Давай дружити! Ти згодна?

— Звісно ж! — зраділа Василянка.

Василянка була стривожена неочікуваним знайомством із такою дивовижною дівчинкою. Пальці, здавалося, ще берегли тепло довірливої долоні нової подружки, а погляд величезних зелених очей здавався вологим, вії ж були чомусь рожево-червоні із золотими кінчиками. Трав'янка знову схопила Василянку за руку і потягнула за собою, сміючись і стрибаючи по високій траві. Василянці було весело, вона теж сміялася, піднімаючи вище колін свою смугасту спідничку і тримаючи за руку подружку. Василянка особливо торжествувала коли побачила своїх сусідок.

— А в тебе є братик, а чи сестричка? — запитала Василянка.

— Так! Є багато сестричок і так само багато братиків.

— А в мене одна сестричка, але вона ще зовсім малесенька. І мама в мене одна, а тата немає! Мамку мою звати Зіною, а сестричку — Тамарою, а твою мамку як звати?

— Моя мамка — Трава, а татко — Вітер!

— Все жартуєш! — дзвінко засміялася Василянка.

— Чого б то мені жартувати? — трішки образилася Трав'янка і через мить теж сміялася, аж луна котилася від їхнього сміху.

Щоб підбадьорити подругу, Трав'янка не вгаваючи говорила безтурботно. А може в неї була така весела вдача? Від радісної і такої бажаної зустрічі Василянка не дуже-то і прислуховувалась до розповіді Трав'янки, вона часто відповідала невлад, зате голос її тремтів від збудження.

— Ой, а в тебе голосок дрижить, мов на осиці листочки,
— здивовано говорила Трав'янка.

— Та я й сама тремчу, — обзивалася Василюк, обі-
ймаючи подругу за плечі.

— А давай ловити метеликів, — запропонувала Трав'янка.

— А чим?

— Я знаю місце, де старий Затінок ховає свої сітки.

— Затінок? — перепитала дівчинка. — Це така в нього
кличка?

— Клички у собак! А він чоловік! Просто похмурий зав-
жди і сидить в тіні, під дубками, навіть борода поросла
мохом.

— Ой, із тобою так цікаво! Ти вмієш так незвично фан-
тазувати! Мені моя мама часто говорить, що я фантазерка.
Але мені до тебе далеко!

— Я не видумую! Це чистісінька правда! — надула свої
губи Трав'янка.

— Ну, добре, не сердься, — примирливо мовила Васи-
люк. — Пішли по той волок!

— Він розвішаний на гіллі розкидистого дуба, а сторо-
жує його сич. Він зараз нічого не бачить, тому ми зможемо
його вкрасти, — майже пошепки говорила Трав'янка.

— А чого ти шепочеш?

— Розумієш, нашу розмову може підслухати Підстри-
бок.

— Підстрибок? А це ще хто такий?

— Ну це такий маленький чоловічок...

— Як гномик? — спитала Василюк.

— Трішки не такий. Він весь час метушиться, стрибає,
наче м'яч, і постійно бігає за луною. Йому подолати вели-
ку відстань нічого не важить, а ось темряви він боїться. Бо
темрява породжує сутінкові примари.

— Які вони? — загорілися оченята у Василюк.

— Такі! Зіткані із тіней, вони незліченні і різноманітні, і в них завжди недобрі наміри.

Василинка так виразно побачила ті створіння із тіней, що судорожно стиснула руку Трав'янці.

— Ой, і що тільки не наверзеться! Ти такі жахи розповідаєш, що я скоро в кожному сухому пневі бачитиму страхіття, — сказала Василинка і штовхнула ніжкою пеньок.

— Ой, ти чого штовхаєш мене попід ребра, — обізвався той пень, і дівчинка побачила, що він простягає до неї кілька ще живих рухливих гілочок. — Ви тут розмовляєте і не бачите, що за вами гарцює по верхівках кущів Підстрибок. Він туди і сюди стрибав то попереду вас, а то за вами. Ви його й не бачили.

— Спасибі тобі, Трухлявику, — торкнулася Трав'янка до гілочки, що простягнув пеньок.

Раптом із гілок високого клена почали сипатися холодні, як льодинки, краплі роси.

— О, вже день, а роса досі не висохла, — підняла голову Василинка.

— Та то не роса! То дражниться Росяничок. Бачиш, усі крапельки сиплються лише на нас, то він розсипає їх із своєї торбини.

— А чому я його не бачу? — допитувалася Василинка, задираючи голову, і навіть стала навшпиньки.

— Он... глянь... прозоро-голуба поволока...

— Так то ж хмаринка, я її бачу, — зраділа дівчинка, аж в долоньки заплескала.

— Так... так... звісно. Той маленький бешкетник завжди схожий на звичайну хмарку.

Раптом повітря наповнилося голосним і неприємним криком.

— Це сич кричить. Ти не бійся, він нам нічого не зробить, — приказувала Трав'янка, підстрибуючи навколо

високого дерева. — Ой, так високо причепив ту сітку. Допомагай...

Дівчата довгенько поморочилися, поки відчіпляли від сучків того волока — якогось зелено-сірого і дивного на дотик.

— Із чого ж він сплетений? — поцікавилася Василинка.

— Павуки сплели! Це просто така павутина! — пояснювала Трав'янка.

Василинка теж пнулася до гілля, а під ногами було м'яко, пружно, товстий килимок із щільного торішнього листя прогинався під ногами. Крізь віти просвічувалося чисте небесне плесо, на ньому то там, то там виникали пухкі хмаринки, вони розповзалися і ніби тріскалися на шматочки. І тільки в їхніх руках повисла павутинна сітка, як з'явився в зеленому вбранні, зітканому із листя, старий і страшний Затінок. Дівчата заверещали і зірвалися з місця, блискаючи поміж трави голими колінцями. Та все ж сітку не покинули, а тягли за собою. До втікачок долинув тріск сучків, шелест листя, а потім і зовсім все стихло. Трав'янка і Василинка присіли навпочіпки, а потім підвелися і, взявшись за краї сітки, почали її розтягати. Дівчатка підхопили тенета із павутиння регочучи, щасливі від того веселого сміху сльозинки котилися по їхніх розрум'янених щічках. Ноги дівчаток глибоко загрузали в мох, жорстка трава неприємно дряпала литки і коліна.

— Не біжи так близько біля мене... трошки вб'ік! — командувала Трав'янка. — На себе тягни!

Коли ж вибігли на широку леваду і в сітці затріпотіло кілька величезних метеликів, Василинка застрибала на місці, заплескала в долоні і впустила сітку.

— Ой! Гаразд! Перестань так галасувати, а то на неприємності таки сьогодні напросимось, — прикрикнула на подругу Трав'янка.

— Я боюся! Страшний той дід Затінок, — зовсім тихо промимрила Василянка.

— Ха! Затінок?! Та він геть... ані краплинки не страшний, бо він ніколи не виходить на світло. А ми на сонці, тому він нам не загроза! — пояснила Трав'янка.

— І як то у вас піднялася рука?! Навіщо губите метеликів, — почули дівчата незадоволений жіночий голос.

Василянка аж присіла від несподіванки. Перед нею стояла висока і сильна жінка, вся в зеленому вбранні, навіть волосся довгими зеленими пасмами звисало до самої землі.

— Мамо! — переполохано скрикнула Трав'янка. — Ми ж їм нічого не зробили! Ми збиралися лише подивитися на них і відпустити!

— Досить! Тобі треба вже подорослішати і не пустувати! Прощайся зі своєю приятелькою, пора тобі вже спати, холодно вже...

Лише ця зелена жінка промовила такі слова, як Василянка відчула, що неласкавий холодний вітер почав смикати її за волосся, пробиратися під кофтинку, шарпати за спідничку.

Своїм малесеньким серденьком Василянка зрозуміла, що ця дівчинка Трав'янка із іншого світу. Василянка нездатна була знайти вірне тлумачення, але вона знала, що її скромне і не дуже веселе життя наповниться віднині якоюсь новою і значущою сутністю. В будь-якому разі Василянка збагнула, що вона не сама в цьому чималому, недоступному і бентежному світі, що вона лише малесенька часточка чогось незміряного і що відчувати себе такою частинкою, виявляється, болюче і разом із тим радісно... Вітер підхопив павутинну сітку і закинув її знову на дуба... Метелики спурхнули і розчинилися в повітрі...

— Мені пора, — сумно сказала Трав'янка.

— Я тебе більше ніколи не побачу? — стримуючи сльози, запитала Василюк. — А ми мої сльозинки так і не посадили...

— Ми із тобою вже більше ніколи не зустрінемося, бо ти на весну станеш зовсім дорослою і ніколи більше не потрапиш в мій світ, — журно говорила Трав'янка, і із її зелених оченят покотилися зовсім зелені сльозинки. Вона їх збрала в долоньку і простягнула Василюкці. — На... Тримай, посадовиш ці зернятка в землю, і із них виростуть квіти.

Дівчина простягла руку, і в її долоню впало кілька чорних зернятків.

— Так швидко достигли! — здивувалася і стисла пальці в кулачок. — А які квіти виростуть?

— Звісно ж — гвоздички*! Хіба ти не знала, що я — Трав'янка-гвоздичка? — проговорила і обійняла Василюку. — Бувай! Посади мої сльозинки... невідмінно посади! І тоді ти мене ніколи не забудеш!

Високі шорсткі трави ніби купалися у вечорових густо-червоних променях. Кущі наче теж по груди забрели в той вогонь і здригалися чи то від страху, чи то від жаги. Покинутою чередою стояли кущі колючої обліпихи, вітер натикався на них і, стогнучи, сповзав у траву. Верболози трусилися, наче в гарячці, гоїдалися їхні довгасті листочки. Очерет різко тріскотів, низько нагинався і шарудів розтріпанними віничками. Із свистом вигиналися довгі і пружні гілочки шелюги. Стара вільха кречкала, даючи до рогу вітрові. Глід незадоволено шурхотав і поблискував червоними намистинами ягід.

* В народі гвоздички називають польовими сльозинками, іскринками, зірочками і дівачою травою. Рослинка ця славиться ароматним маслом, яке використовують в парфумерії і в медицині. Талісманом кохання ця квітка є в Іспанії, а в Бельгії її вважають квіткою бідняків. У Франції дівчина, проводжаючи свого коханого в армію, дарувала гвоздички як оберіг, а в Китаї перед зустріччю із імператором гвоздичку необхідно було жувати, для приємного запаху під час розмови. Карл Ліней назвав цю квітку «божественною».

Трав'янка відійшла від Василянки, за хвилину спинилася і розтанула — рожевим маревом попливла по повітрі. «І тоді ти мене ніколи не забудеш...» — повторила Василянка.

Вона дійсно ніколи не забуде, бо посадить її сльози в своєму садку...

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*У нас
у гостях*

Днепропетровская областная организация Конгресса литераторов Украины

Днепропетровская областная организация (ДОО ВТС КЛУ) — не самая многочисленная, но занимающая заметное место в Конгрессе литераторов. Осуществляя его уставные задачи, организация активно развивает в регионе творческую литературную среду, воспитывает в широких читательских массах уважение к культурно-историческим традициям.

***Справка.** Конгресс литераторов — писательская организация Украины, уступающая Национальному союзу писателей только численностью (объединяет более 500 литераторов из 21 региона Украины). Имеет Правление, Президиум, собственное печатное издание (газета «Литература и жизнь») и региональные организации. Конгресс литераторов Украины был зарегистрирован Минюстом 4 ноября 2005 года как общественная организация. Пройдя экспертизу Минюста, получил 2 февраля 2007 года статус профессиональной творческой организации.*

ДОО ВТС КЛУ получила юридическую регистрацию (включена в Государственный реестр, подотчётна налоговым и другим государственным органам) 2 ноября 2010 года. С того времени организация заметно выросла. Регулярно, не реже двух раз в месяц, проводит литературно-музыкальные вечера в библиотеках и музеях города, встречи с литобъединениями и литстудиями, выпускает литературно-художественный альманах «Форум», участвует в работе жюри литературных конкурсов разных уровней. Литераторы ДОО ВТС КЛУ, с творчеством которых знакомит этот раздел, достойно представляют организацию, город и страну на крупных литературных мероприятиях, включая международные.

Татьяна ВАЛОВАЯ

* * *

*...Даль... в игрушки
Превращает огромные вещи, включая печаль,
Ту, что... меньше ресницы на белой подушке.*

Д. Веденятин.

Пусть не скоро — межа,
Пусть туманится даль,
И струится по стёклам ненужная жалость,
И пустеет копилка надежд,
что была так полна...
Но — в пути дилижанс,
И искрится хрусталь,
А слезинка — случайно в глазу задержалась,
Но дорогу так сказочно преобразила она!

Юрий ГАШИНОВ

* * *

Из прошлого во мне звучит
Незавершённая строка.
Полынным запахом горчит
Туманом скрытая река.
И вербы гибкая лоза,
Как прядь ухоженных волос.
Твои печальные глаза —
Полуответ, полувопрос.
Я связку отыщу ключей,
Как встарь, испытую судьбу,
В одну из мартовских ночей
В твою любовь опять войду.

Юлия ГНАТЮК

* * *

В эту ночь, когда тени изредка
Прячут серп золотой ладьи,
Я не сплю и читаю лирику,
Возвращаясь душой к любви.
Я устала от будней серости,
Не хочу заводить часы,
Пусть единственным звуком мерности
Моё сердце внутри стучит.
Отключаю компьютер разума,
Открываю окошко в синь.
Ах, зачем говорить-рассказывать,
Если пахнет в саду жасмин!
Если небо в проёме облака —
Лужа Вечности со звездой.
Тонкий луч, золотой и робкий
На раскрытую пал ладонь.
Фиолетовый бархат сумерек.
С этой Бездной наедине,
Я сто раз родилась и умерла,
Я сегодня была везде.

Павел КАШАЕВ

Минута молчания

Каждой весною, в любую погоду,
Дома на время оставив дела,
Выпускники сорок первого года
В школу приходят, в десятый «А».
Их только двое... Шагов звучание
Стихнет за партой, как в первый раз...
И наступает минута молчания,
И — недошедшие входят в класс...

У нас уrostях

Сергей КУЛИКОВ

Escape

Мой выбор до обидного стандартен,
но ничего на свете лучше нету.
Карету мне! Коня! Билет в плацкарте
(желательно не возле туалета)!

Ж/д вокзал. Сто первую маршруткой
лечу в пыли, продувшийся повеса.
На тормозах не замер ни на сутки
горящий дротик Южного Экспресса...

И вот, на верхней полке замурован,
я выключаюсь, не стянув ботинок.
Надолго ль? На недельку, до второго.
Потом — назад, в родимую рутину,
в петлю, что спеленает анакондой,
своим хвостом закусывая тупо.
Но нынче — прочь из затхлого Макондо!
В двухсотвагонном поезде — не трупы.

Так в чём же смысл?

В возможности сорваться
и в пресловутой рокерской свободе?
Вы гений, Холмс! — Элементарно, Ватсон.
На том стою. Иначе — не выходит.

Александр КУТНЯК

* * *

Играют дети во дворе.
А гром ворчит, как старый стражник,
О том, что баловаться грех.
Озорникам смешно и страшно.

Слепец весёлый и хмельной,
Дождёнок, ласково-грибной,
По листьям пляшет и по лицам
И, словно люстра, хрусталится.

Так почему же в стороне
На тротуаре за оградой
Бомжата дождику не рады?
И почему так грустно мне?!

Николай МИЛАШ

Его послали рожь поджечь

Его послали рожь поджечь,
Чтоб не достался хлеб врагу.
Уже слышна чужая речь,
А он всё медлит:

— Не могу...

Вдохнув колосьев аромат,
Он встал, сжимая автомат.
Поймём, друзья, его, простим,
Он был крестьянином простым,
Он здесь пахал

под отчим небом,

И цену знал земле и хлебу.
...Ладонью отираясь потной,
Огнём он встретил строй пехотный:
Косил врагов из автомата,
Диск опустел —

разил гранатой,

Изранен, слеп и чуть живой,
Он грудью встал над рожью той,
Как будто за его спиной
Не ржи косяк — а шар земной.

Над рожью той, над дымкой синей,
Прикрыв собою всю Россию,
Он встретил недруга свинцом...
Жил — хлеборобом.
Пал — бойцом.

Николай МОСКАЛЕЦ

Памятка поэту

Совсем неважно, сколько в зале
Сияет глаз из темноты.
Куда важней, чтоб услышали
Всё, что сказать решился ты.

На сцене ты, как на ладони.
И если замер целый зал,
И если чьё-то сердце стонет,
То, значит, истину сказал!

Пусть ветром сорваны афиши,
А вечер не собрал аншлага,
Но если голос твой услышан —
Не зря строки развёрнут флаг!

Виктор НЕВСКИЙ

Лучи разума

Мне не найти пророчеств и ответов
В журналах, на страницах фолиантов, —
Как защитить невинность от наветов
И отличить пигмеев от гигантов?

Я за любовь и мысли без запретов,
Свободу для поэтов, музыкантов,
За искренность объятий и приветов
И за расцвет всех истинных талантов.

Пусть справедливость будет неподкупна,
А истина — одна и всем доступна.
Мудрей пусть будут наши сыновья.

Пусть разума лучи в пути им светят,
И, может быть, они за нас ответят
На жгучие вопросы бытия.

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ
Густо кровью пропитано время

Густо кровью пропитано время на сивой реке,
Резкий воздух насыщен горчинкой шальных изотопов.
Потому-то страну невозможно постичь вдалеке,
Попивая шартрез в ресторанчиках старой Европы.
А прикрою глаза, и взволнует: из центра земли
С диким храпом и гиканьем где-то на киевском склоне
Мне навстречу летят, подминая собой ковыли,
Под чубатыми хлопцами серые в яблоках кони.
И сжимается в точку планеты воинственный шар,
Постигается Русью свободы великая школа:
Печенегов набеги, разгульные пляски хазар
И пропахшие лошадьё дикие души монголов.
Приоткрою глаза — двадцать первый стремительный век.
Снова кровь и уособицы рвут эту землю на части.
Изменилась эпоха, но не изменён человек
И затравленно мечется в поисках денег и власти.
А Европа торёный торопится путь указать.
Но напрасны надежды, что Русь можно взять на поруки.
Видно, каменным бабам вовек на курганах стоять
И в молитвах за землю по-скифски заламывать руки.

Світлана ПОЛИВОДА

Дві рідні мови

Дві мови — наче дві долоні,
За світ тримаюсь обома.
Життя фарбує білим скроні,
І наближається зима,

А їх — ні ліву, ні правицю —
Я жодну не віддам, хоч ріж!
Вони мій захист, патериця
І Доли нерозмінний гріш!

Ліворуч — українська мова,
То мова мами і землі,
Дитинства книжечка казкова,
Бабусі з дідусем жалі.

Така вже вдача, не шульга я,
Та зліва серце, там — вогонь.
І хоч вкраїнська ще кульгає,
Не падчерка ота долонь!

Так, найвправніша та, що справа.
А як інакше може бути?!
Три сотні літ моя держава
З російською долала путь.

І рідною ця мова стала.
Хіба ж у тім її вина?!
А сало — і по-руськи — сало!
І мати — як не зви — одна!

Я батька й матері нащадок,
Вони дали мені життя
І ці дві мови. Їх у спадок
Дочці й сином залишу я.

Любов підтверджують ділами.
 І сперечатись в тім дарма.
 А як звертатися до мами,
 Я, друзі, вирішу сама!

Микола ПШЕНИШНЯК

* * *

В и б а ч и л и,
 як гасне вересневий день
 І пензель сонця зависає на калині?..
 В и ч у л и, н і,
 як схлипує могутній пень? —
 За кроною голосить у долині!..
 В и б а ч и л и:
 в брудній сорочці із вапна
 Відходила з життя чиясь старенька хата?
 В померклім погляді розбитого вікна
 Було жалю, і скарг, і докорів багато...
 В и б а ч и л и,
 як ніч взуває постолі?
 Н е ч у л и,
 як сосна чита молитву Богу?..
 ...Скажіть:
 ви в бур'янах байдужості зросли
 Чи не переступили ще її порогу?..

Наталья СИДОРЕНКО

На мосту влюблєнных

Две слезы плакучей небыли,
 зов рожка, что не погубит...
 То ли — в небо, то ли небо
 зацеловывает губы.
 Вьсь играет облаками,

будто створками жемчужниц,
рассыпая жемчугами
снег. И привлекает спутниц —
зори с бантами свеченья.
Замираю в полукружье
нерушимого значенья,
неприцельного для ружей.
Смог осенний стал экс-новью
из разряда экстранови...
Можно в сердце мне — любовью,
капель крови?..
Да иль нет? Скорее! Кличет
птицу небо над Невою...
Да... О, вот силков величье!
Вот она — любви неволя!
Вместо снега — дождь. Порывист.
На зонтах (о, невесомость!)
исполняется отрывок
марша... Марша Мендельсона!

Владимир СКУРАТОВСКИЙ

* * *

Свеча чадит на подоконнике
И сонной нитью к небу тянется,
А руки, как огнепоклонники,
Самозабвенно вьются в танце.
Мелькают тени устрашающе,
Как поезда на ближней станции,
Где пассажиры с провожающими
Расходятся в незримом танце.
Свеча чадит — и пламя кружится,
Как в забытьи — веселый пьяница,

И фонари в застывших лужицах
Клубятся роем в вихре танца...

Свеча, пустынноца нетленная,
Мерцает восковыми сланцами, —
И тонет грузная Вселенная
В волнах замедленного танца...

Буфет. Фарфоровые слоники.
Уютом пахнущая дверца.
Свеча чудит на подоконнике —
И, как ни странно, в Чудо верится...

Елена ХЕЙФЕЦ

* * *

Не осложнить бы отношений
С пером, бумагой и собой.
Немеет сердце в предвкушенье
У двери, где живёт любовь,

Где на рассвете звонки птицы,
Идут дожди, стучат в стекло,
И у неначатой страницы
Так холодно... и так светло...

Ещё не вижу я созвучий,
С которыми отправлюсь в путь...
Нет ничего на свете лучше,
Чем их найти когда-нибудь!

В них дерзость первого побега
Родит нетронутость листа.
В них белизна и холод снега,
Где чувств сокрыта нагота.

Мне б сил, терпенья и отваги
Не дрогнуть, стоя на краю.

Опять я пред листом бумаги,
Как перед пропастью стою...

Елена ШВЕЦ-ВАСИНА

* * *

*В начале было Слово,
и Слово было у Бога, и Слово было Бог.*

Евангелие от Иоанна (1:1).

Безмерен мир. Безмерны и слова —
Бесплотные, но, будучи живыми, —
Вот так же, как поступите вы с ними,
Поступят с вами эти божества.

Они вернуться на круги своя —
Что молвил — доброзвуки иль злословье.
Давайте вместо звуков нелюбви
Дарить слова — СЛОВА ЛЮБВИ, друзья!

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Публі-
цистика*

Роман ЛЮБАРСКИЙ

Декабрьская жара

Киев. Декабрь. На прилегающих к Дому офицеров улицах минус два. На сцене все плюс сорок. И не потому, что действие спектакля происходит будто бы в Италии. И не только потому, что он носит горячащее воображение название — «Будет жар... от любви». А в большей степени потому, что сцену и зал захлестывает безудержный темперамент главной героини. Точнее, исполнительницы роли Антонины Татьяны Стрельбицкой. Пожалуй, ее темперамента хватило бы еще на два спектакля в этот вечер.

Чего не скажешь о народном артисте России Александре Пяткове. Увы, как он ни старается изобразить испепеляющего сердца всех женщин тореадора, его темпоритм, к сожалению, проигрывает. Порой ему элементарно не хватает дыхания. А может быть, в эти минуты восстает и противится пошлости его второе (эстетическое) «я»?..

Доктор наук, известный метеоролог Вазира Мартазинова советует: «Для того чтобы предсказать погоду, например, в Белой Церкве, нужно начать расчеты с глобального потепления». Поэтому давайте обратимся к истории античного театра.

Как известно, в Афинах посещение театра было не только гражданской обязанностью, но и естественным тяготением граждан к божественному искусству. Репертуар одного дня состоял из трех трагедий и одной комедии. В этом элины находили гармоническое сочетание печального и смешного. А смысл всего этого действия: катарсис, очищение, сопричастность судьбам героев. В Греции (тогда языческой стране) комедия жила в канве мифа, воспитывала и решала напряженные проблемы человеческих отноше-

ний, практически выполняя ту же функцию что и трагедия, но в веселой и непритязательной форме.

Греческий театр заслуженно называли храмом искусств. Все действия актеров: возвышенная речь, костюмы, манеры, декламация, котурны — напоминали богослужение. Их игра вызывала священный трепет. Вся атмосфера создавала возвышенное настроение у зрителей.

И за долгие века функцию возвышения души у театра никто не отнимал.

В нашей стране традиции высокого театрального искусства много раз прерывались, оттого, видимо, многие уже позабыли, для чего существует театр. Рамки жанров становились все более размытыми, зыбкими, эстетический стержень все хрупче и незаметнее. Увы, актеры и режиссёры порой сами способствуют этому.

В поисках жанра всё ещё находятся, видимо, и московские звёзды. Как было уже сказано, Татьяна Стрельбицкая — актриса талантливая, но с режиссёром Татьяной Стрельбицкой она ещё не встретилась.

Сама по себе пьеса Дарио Фо дает возможность для интересного творческого решения: от комедии до трагифарса. Но лишать ее признаков жанра просто глупо. Потому что отсутствие формы разрушает, умаляет, уничтожает содержание, приводит к опошлению ключевых моментов спектакля. Казалось бы, логическим и эмоциональным завершением могла стать песня, которую исполняет актриса, — и зритель уже готов посочувствовать, помочь ей, порадоваться тому, что она смогла преодолеть личную драму. Но уже несколько секунд спустя ее героиня буквально скачет по сцене едва одетой. Если минутой ранее актриса возвысила образ своей героини до драматического звучания, то в этот момент она низвела его до откровенно пошлого. И здесь мерилom эстетического вкуса, нет, просто хорошего вкуса, является даже не степень ее оголенности, а степень между искусством и банальностью. Перешагнуть эту

ступень можно непринужденно и легко, потому что: а) зритель неискушен, доверчив, всеяден («а пила всё хавает»); б) от великого до смешного — один шаг. А) Искусшенный зритель уходит обманутым и низведенным до уровня... (далее подставьте любые определения), неискусшенный доволен, потому что потекают его низменным вкусом. Б) От великого до смешного — да, всего-то! — один, но не два и не три (чувство меры — признак интеллигентности) шага. А попробуйте сделать шаг назад! Редко кому удастся.

После двойного финала и поклонов в зал полетели апельсины и грейпфруты, всё это время лежавшие на сцене то ли как символ плодородия Италии, то ли как символ, акцентирующий «жар от любви».

Следы драмы или Photoshop'a?

(Цифровые грезы: подлог ценностей)

Эдмундо Пас Сольдан.

Звучит, как песенная, поэтическая строка. Ложится в ритм. Высекает искру. Предполагает талант. Обязывает поднять его до солнечных высот.

Писательский дар этого человека уже успел заявить о себе несколькими книгами. Его сравнивают с Борхесом и Кортасаром, Гибсоном и Пелевиным. Что можно оспаривать. Несомненно одно: его талант находится в развитии, в творческом поиске. На рубеже веков он стал новой звездой концептуальной испаноязычной прозы. К русскоязычному читателю Сольдан пришел только в 2004 году с романом «Цифровые грезы».

Некоторые критики и книжники-обозреватели поспешили причислить этот роман и самого писателя к кибер-панкам. Посмотреть глубже им, видимо, мешает собственная компьютерная зависимость. Похоже, они сами отравлены «цифрой», поэтому и ставят ее на первое место. Да, высокие технологии основательно внедрились, а правдивее было бы сказать — вмешались в нашу жизнь. Имен-

но вмещались. Смутив и соблазнив быстротой и легкостью операций. Заменяв человеческую память на компьютерную. Глаза — на веб-камеры. Вытесняя рефлексии в виде тревог и волнений, терзаний и сомнений. Сводя до минимума, а то и напрочь стирая чувства любви и преданности, чести и долга, красоты и гармонии. Подменяя неоднозначный живой реальный мир виртуальным. То есть фальшивым.

Что же при этом происходит? Постепенно исчезает, а затем и полностью утрачивается представление о том, что жизнь есть чудо, данное нам Свыше. Из жизни уходят удивление и трепет, благость и красота, истина и справедливость. Игра солнечного света, переливы красок на восходе и закате заменяются мерцанием мониторов РС, услугами Инета и версиями Photoshop'a. Мы видим это на примере нескольких персонажей и главного героя «Цифровых грёз». Из жизни Себастьяна уходит не только красота и любовь, но и правда. Поддавшись дьявольскому искушению стать «тайным владетелем тайн» и подзаработать, от Цифровых Созданий он переходит к корректировке истории и современности родной страны — Боливии. Пойдя в услужение к диктатору, он фальсифицировал жизнь до того момента, пока не «почувствовал, что задыхается».

Можно ли при этом согласиться с тем, что Интернет, PhotoShop, Apple iMac стали полноценными героями романа? Нет! Напротив, драматическая коллизия романа Сольдана очень близка «Преступлению и наказанию» Достоевского. Да, Сольдан открыл нам нового героя. Героя времени новейших компьютерных технологий. Выявил и достаточно точно описал его психологию, меняющуюся под влиянием этих технологий. Однако, как ни странно — при разности эпох, стран и менталитета — прозвучит это сравнение, внутренний мотив Себастьяна сродни мучительному вопросу Родиона Раскольников: «Тварь ли я дрожащая, или право имею?». С той лишь разницей, что его инструментом в решении этого вопроса стал компьютер.

Роман Сольдана имеет все признаки психологической драмы. Они проступают уже сквозь первые строки, просматриваются в напряженном ритме сюжета, становятся всё острее, острее во внутренних монологах Себастьяна и Никки и, наконец, достигают трагедийного звучания в финале. Конфликт между реальностью и ее отражением в сознании героя вызван и спровоцирован именно быстрым наращиванием компьютерных технологий, которые меняют до неузнаваемости не сам мир, а представления о нём, что является следствием психической контузии после информационного взрыва.

Вот один из отзывов о романе, выложенный в Сети под ником Психе (с сохранением стиля и орфографии оригинала):

- эдмундо пас сольдан «цифровые грезы»
- всего два вопроса мучившие во время осиливания этого произведения:
- раз: реальность, это ты реальность?
- два: как же доказать себе свою реальность?

Подобные вопросы загоняют психически неустойчивых или ранимых людей в ловушку. Подкупленные и замороченные «цифрой», они настолько глубоко проникаются и пропитываются вторичной реальностью, что в один прекрасный день перестают идентифицировать себя с обычными людьми. В романе этот процесс впечатляюще раскрывается на примере коллеги Себастьяна толстяка Пикселя. То, что случилось с ним, лишь недавно ученые определили как синдром XXI века и назвали это психическое расстройство «синдром Трумена». В реальности таких Пикселей, ставших пациентами разных клиник, уже десятки. Так, например, австрийские врачи имели дело с женщиной, которая была абсолютно уверена, что превратилась в ходячую веб-камеру.

Синдром Трумена — один из вызовов нового времени. Пророческий дар Сольдана заявил об этом раньше, на рубеже веков. Писатель, если смотреть на его творчество шире,

показывает, как с безгранично растущим влиянием цифровых технологий меняется и само общение между людьми, и их восприятие такого общения. Увы, мы уже начинаем свыкаться с тем, что люди годами (есть и такие примеры) отождествляют себя с героями компьютерных игр, принимают за настоящий разговор переписку по ICQ, а за поддержание отношений с друзьями — отправку сообщения в блог. Простой звонок по телефону заменяется коротким SMS, а редкие бумажные письма — завалом сообщений вперемешку со спамом в электронной почте. А ведь по такому пути постижения мира вслед за взрослыми уже идут дети. И это страшнее всего.

Многие психиатры полагают, что на возникновение такого рода иллюзии влияет не только уровень техносреды, но и уровень культуры. Я бы обозначил точнее: это то, что мы называем состоянием духа. Итак, исходя из того, что дух, духовность — это способ связи человека и мира, Сольдан показывает, как эта связь разрушается и утрачивается у людей слабых духом.

Как утверждают современные философы, дух — это и есть опыт идеального постижения человеком мира путем психической деятельности, то есть деятельности его нервной системы. «Духовность» человека и общества формируется на основе духа, идеального постижения ими мира. Но, в отличие от духа, духовность включает компоненты, характеризующие гуманизм, выражающийся в человеколюбии, милосердии, человечности, сопричастности, а также проникнутое духом гуманизма поведение и деятельность. При этом критерием духовности выступает именно гуманизм, и, наоборот, бездуховность проявляется в антигуманизме, бесчеловечности, эгоизме, корысти, жестокости.

Виртуальное пространство как бы выворачивает человека наизнанку, переворачивает его систему ценностей (или подменяет ее), делает человека, как ему поначалу кажется, безнаказанным. Вот пример из российской жизни.

Как сообщило РИА «Новости», молодой человек в сентябре 2008 года вычислил пароль своей 26-летней знакомой на сайте «Одноклассники», проник туда и заменил ее фотографии на эротические. При этом подобрал эротические фото, на которых была изображена девушка, очень похожая на хозяйку интернет-страницы. После смены фотографий он сменил пароли на странице, чтобы девушка не смогла убрать фотографии. Друзья сообщили потерпевшей, что в «Одноклассниках» на ее странице размещены эротические фото. Когда та захотела удалить фотографии, то не смогла этого сделать из-за смены пароля и обратилась в правоохранительные органы с просьбой разобраться в ситуации.

Итак, реальность не безлична. Реальность дает адекватный ответ. Реальность наказывает, как в случае с молодым россиянином (он был осуждён). Реальность мстит, как в случае с героем «Цифровых грёз» (он покончил собой).

Отъявленным кибер-панкам новейшей формации роман Сольдана может показаться даже скучным. Один из них оставил в Сети следующий отзыв:

«Недавно таки приобрёл себе Эдмундо Пас Сольдана «Цифровые грёзы», на обороте книжки некие источники пели дифирамбы этому автору, приписывая ему звание Гибсона Латинской Америки, а не деле оказалась скучная байда о нехитрых проделках в фотошопе...»

Увы, беда таких «спецов» в том, что даже им порой не по силам разглядеть точное «разрешение» романа, различить все те «пиксели» «Цифровых грёз», которые несут на себе «цвет, интенсивность и другие характеристики изображения». А оно многослойно и мозаично. Как сама жизнь. Как само общество. Как человек... Человек, который в очередной раз сталкивается с вопросами: можно ли воплощать свои честолюбивые мечты путем компромисса с совестью? имеет ли он право с помощью новейших технологий изменять существующую реальность? может ли он вообще соперничать с Творцом?

«Утоли мои печали»,

или Размышления по поводу критериев гениальности.

Британских и здешних

Родина Шекспира сделала миру подарок, определив 100 гениев современности. С этой целью по заказу британской газеты «Daily Telegraph» там проводился опрос жителей (количество не указано). Для ориентации им были предложены более чем 1100 номинаций. Главное: выбор основывался на влиянии, которое оказал каждый из номинантов на разные сферы деятельности человека — политику, науку, технику, предпринимательство, искусство.

Этот список составлялся также при участии шести независимых экспертов. Тем не менее, результат был почти закономерным: более всего гениев на душу населения пришлось на Великобританию — 1 гений на 2,5 миллиона человек. К тому же четверть списка составили также британцы. Для сравнения: в США «показатель гениальности» составил 1 гений на 6,9 млн. человек, в Украине и в России — 1 на 47 млн. человек. Кстати, из достойных внимания украинцев британцами был выбран художник и скульптор Иван Марчук. Это, безусловно, хорошо. Это, естественно, радует.

Но есть и другой показатель. На 43-ю позицию мирные британцы выдвинули не только основателя компании «Microsoft» и бывшего чемпиона по боксу Мохаммеда Али, но террориста №1 Усаму бен Ладена. А на первое место без всякого стеснения они поставили сэра Тима Бернерса-Чи и Альберта Хоффманна, швейцарского ученого, который изобрел наркотик ЛСД. Чудны дела Твои, Господи!

Когда я высказал сомнения в адрес таких номинантов, моя юная коллега возразила: «А что?! Ведь бывают же гениальные злодеи!. Наверное, мир не может обойтись без таких людей». Если так, представьте, каким же будет этот мир! Мир, где нормой вскоре (или уже?) становятся зло, порок и насилие. Будто все вокруг уже забыли значение слова «мир»! Оно

не утратило своего прямого смысла и по-прежнему несет, кроме пространственного, еще и моральный смысл. Мир соотносится и с душой человека, и с сообществами людей. Сам смысл созидания культуры направлен к миру, как к несомненному благу. И никогда не может и не должен считаться гением человек, несущий разрушение.

«Кто ненавидит весь мир, тот не может любить и себя.

Кто ненавидит весь мир, тот презирует самого себя. И бросает самому себе временные утехи, как бросают кость псу.

Кто ненавидит весь мир, тот объявляет войну всему миру. На стороне мира будет Бог.

Такой лучше бы сказал горе: покрой меня!» (Святитель Николай Сербский)

Давайте вместе задумаемся над понятием «гений». Невольно возникают в памяти строчки А.С. Пушкина: «Гений и злодейство — две вещи не совместных...». Это слова из «Моцарта и Сальери» («Маленькие трагедии»). Недаром Александр Сергеевич — истинный гений — определил жанр конфликта как трагедию. Потому что вся история литературы и история как таковая говорят нам: появление злодея начинается противостоянием творческим силам, а заканчивается трагедией для мира. Парадокс в том, что все равно злодея уносят мутные воды забвения, а побеждают светлые силы, жизнь. Но какой дорогой ценой это достается!

«Дьяволизм — это гениальность без любви. Когда общество отрекается от любви и нравственности, поклоняясь благополучию жизни, желаниям — это общество погибает. И чем талантливее лидер этого общества, тем быстрее его талант, способности, воля и энергия при отсутствии любви к Богу будут разрушать, деформировать его душу и отравлять ауру и будущее этого общества» (Сергей Лазарев)

«Люди, не способные видеть мир в себе, еще менее способны видеть себя в мире» (Святитель Николай Сербский)

С древнейших времен существовало понятие «гений». Оно было связано с духом. И потому словосочетание «злой гений» означает «злой дух», с акцентом на слово «злой». А современное общество переносит это понятие на прагматическую почву и приравнивает его к «успеху» или «успешности»: успешно провел войну, террористический акт, успешно сколотил капитал. Успех успеху рознь. «Злой гений» всегда приобретает свой успех за счет других. И его успех — это чья-то беда. Зло не может быть справедливым, нравственным.

«Источник наслаждения — это любовь. Скрыга привязывает ее к деньгам, гордец — к своему превосходству над другими, и почти все привязывают ее к сексу. Самая большая сила во Вселенной — это любовь. Поэтому именно она должна быть в первую очередь обращена к Богу. Если мы всю любовь направляем только на человеческое счастье, то оно лопается, как мыльный пузырь, вместе со здоровьем и жизнью». (Сергей Лазарев)

Понятие «гений» связано с проявлением лучших качеств человека: доброты, любви, милосердия. С каких это пор гений возведен на вершину зла?

Настоящий поэт, музыкант, ученый творят из Духа любви, а «гениальные злодеи» — из духа зависти, наживы, разрушения, какими бы высокими идеями они ни прикрывались. А потому признавать разрушение как принцип, как необходимое условие прогресса — это отрицать законы высшего Бытия. Будто мы опять опустились в тот языческий мир, где заповедь «Не убий!» не вошла в сознание с крестными муками Христа.

Отсюда: «Дикі танці», «Лаша тумбай» — вершины национального искусства; Богдан Хмельницький, за котрым реки крови, — великий украинец, Юлия Тимошенко — претендентка... Многие сомнительные фигуры стали или еще станут героями и кумирами. Но станут ли такими мудрый старец Сковорода, талантливый доктор Богомолец, великий кинорежиссёр, писатель-публицист Дов-

женко, академик Патон и многие другие сыны и дочери Украины?

Непрозорливость, лень духа, невежество, жажда быстрого и легкого успеха были решительно использованы теми, кто во всем — в политике, в образовании, коммерции, искусстве — пытается навязать чужую модель. Модель жесткого мира с наклеенной улыбкой. Результат — преклонение перед чуждым образом жизни, поклонение чужим «гениям». Или же здешним, но — подходящим под американский стандарт.

«Когда приходят известия о некоем ученом человеке, совершившем злодеяние, у всех на устах один вопрос: как он, зная бесчисленное множество всего, не мог научиться двум простым вещам — бояться Бога и уважать людей?

Учись, чему хочешь, и знай, что можешь, но одно обязан усвоить: не смеешь во зло употреблять свои знания». (Святитель Николай Сербский)

Насыщаясь и наслаждаясь вещным миром, человек сокращает свой дух до минимума. Его душа выхолащивается, теряет свою распеvность, открытость, стремление впитывать Божественные эманации, Слово Божие. Уже не важен или совсем не нужен поиск Истины, Откровения, осмысление себя в этом мире и мира в себе. Жизнь превращается в популярное шоу, в игру, в пустые словопрения. Как и сама программа «100 великих украинцев».

Утоли мои печали, Господи!

Анатолий ЮРЧЕНКО

Театральный роман по-кировоградски

Этот очерк в июле 2012 года, за три месяца до празднования 130-летия Кировоградского областного академического театра им. Кропивницкого, опубликовал всеукра-

инский еженедельник «Украина-Центр». Сегодня, как мне, автору, кажется, он не потерял своей актуальности и требует только незначительных сокращений и послесловия.

Очередной театральный сезон в Кировограде практически завершён. Театр им. Кропивницкого тихо и незаметно ушёл в отпуск, театр кукол доигрывает последние перед отпуском спектакли. В театральной и околотеатральной жизни Кировоградщины, и без того не слишком бурной, наступает очередное межсезонное затишье. Тем не менее, те или иные процессы, имеющие отношение к театру, но пока почти не видимые городу и миру, происходят. А их стержнем является главное событие следующего театрального сезона — 130-летие театра им. Кропивницкого, которое город и мир отпразднуют на государственном уровне совсем скоро, в октябре. Стоп, ребята, а давайте-ка сядем и попробуем спокойноенько разобраться — а что и как мы собираемся праздновать на самом деле?

Ещё в мае Верховная Рада выстрелила постановлением о праздновании 130-летия главного театра Кировоградщины. Приятно, конечно. К тому же, судя по постановлению, наш театр им. Кропивницкого является «главным» чуть ли не для всей Украины. Жаль только, самих кировоградцев не спросили, разделяют ли они это мнение. Ну, а раз не спросили, то так и написали: «Враховуюючи важливе значення Кіровоградського академічного обласного українського музично-драматичного театру імені М. Л. Кропивницького для української культури, його великий внесок у розбудову театральних традицій України...» и т.д. На режиссёров, артистов и «інших працівників» театра посыплется звездопад званий — «Заслужений працівник культури України», «Заслужений артист України», «Народний артист України». Что тоже приятно — зарплата станет выше. «Укрпочта» выпустит серию почтовых марок. Госкомтелерадио посвятит

театру тематические программы. Не останут и печатные СМИ. Пройдут научно-практические конференции, семинары и «круглые столы». Состоится всеукраинский фестиваль классической драматургии, посвящённой театру им. Кропивницкого. Кстати, предполагалось вроде бы, что такую пьесу к юбилею театра напишет и кто-нибудь из кировоградских авторов — не знаю, может быть, уже и пишет. Деньги на все эти мероприятия должен дать Госбюджет. И, наконец, Кабмин должен представить Президенту проект указа о присвоении театру статуса НАЦИОНАЛЬНОГО! Тут уже всему Кировограду впору встать на уши — будет наш главный театр не только академическим, но уже и национальным...

Кто против? Да я сам «за» — и обеими руками! Вот только давайте спросим без обиняков: ребята, а не авансы ли всё это? Эти награды должны были бы получить Кропивницкий, Тобилевич, Заньковецкая, Саксаганский — не буду всех перечислять, — те, кого давно нет, но чья слава жива и сегодня. И, к сожалению, уже в самом постановлении Верховной Рады произошла подмена понятий: 130-летие театра корифеев — вот что должны мы праздновать в октябре.

При подготовке этой публикации мне пришлось побеседовать с очень многими. Но не все имена моих собеседников будут названы — это их право, да и журналист имеет право не раскрывать свои источники. Что-то о театре, которому приказано в этом году отметить 130-летие, я могу сказать и сам — как человек, который тридцать лет писал рецензии на его спектакли. Возможно, не все мнения будут бесспорными, но не озвучить их — это то же, что в очередной раз сделать идиотско-умильное (как у Вицина в «Кавказской пленнице») выражение лица и заорать на всю вселенную: «Да здравствует наш театр, самый лучший театр в мире!»

Театр спасали ещё тридцать лет тому назад

Лицо культурной жизни города — театр. Впервые (хотя, наверно, и не первым) я сказал это добрых тридцать назад и с полным основанием повторю сегодня. Но... является ли наш театр лицом городской культуры, а если является — то каким?.. Завзятым театралом я стал ещё до того, как судьба занесла меня в Кировоград, родину театра-легенды. Я наперечёт знал московские театры, большинство питерских, да и кое-какие из провинциальных. ГЛАВНОЕ успел понять — никакое кино, никакое телевидение не заменят собой живой театр, с живыми актёрами, а не изображениями на экране, с живым действием, которое творится на твоих глазах. Кинематограф в те годы не боялся экранизировать драматургию. Телевидение показывало лучшие спектакли, которые шли на сценах. Иногда и те, которые мне повезло увидеть вживую. Я смотрел на телеэкран и... испытывал разочарование. Уходила из спектаклей энергетика — та самая энергия, которую отдаёт актёр со сцены в зрительный зал и которую зал возвращает сторицей. Там, где в театре я безудержно хохотал вместе с залом, телеверсия заставляла всего лишь улыбаться. Там, где отчаянно сопереживал, — испытывал простое сочувствие. Недавно смотрел фильм об Ахматовой — об Анне Ахматовой, о поэте! — и поразился точности фразы: «Кино — это театр для бедных...» Читается в этой фразе ещё один смысл: тот, кто не ходит в театр, обедняет себя... «Жаль, — говорили мне коренные кировоградцы, — что ты не попал в наш город раньше — до того, как у нас театр перестроили. Вот это был театр — одесская опера в миниатюре!..»

В театр я в конце концов выбрался. На самый обычный спектакль из текущего репертуара — по драме Гарсиа Лорки «Дом Бернарды Альбы», со Светланой Мартыновой в главной роли. И не разочаровался. Хорошая режиссёрская рука, чувство вкуса, достойные актёрские работы. Это

был дипломный спектакль режиссёра Татьяны Корниец, которой... не нашлось места в профессиональном театре и пришлось работать в самодеятельном. Сама она, как я узнал позже, считала, что в нём уже многое разболталось без режиссёрского присмотра. Но мне спектакль понравился. Вот только... публики было маловато. Начало задержали на пять минут, потом ещё на пять, потом... бухнули двери и, топя сапогами, зал заполнила рота бойцов, пахнущих гуталином и казармой, из близлежащей части... Интересный город, подумалось мне. Так гордиться своей утраченной одесской оперой в миниатюре, так ностальгически говорить о ней — и при этом не ходить в театр?.. Нет, не театральный город...

Но уже летом я убедился в обратном. Один за другим приехали три гастрольных театра, каждый привёз по десятку спектаклей, каждый работал ровно месяц, но в течение этого месяца почти каждый день был аншлаг... Оказалось, город любит театр. Но... только летом, когда приезжают гастролёры. И, чтобы исправить ситуацию, власть (вначале советская и партийная, а затем и новая, демократическая) постоянно занималась спасением своего театра — наследника корифеев.

Множество директоров сменилось в театре в советское время. Совсем недавно мне повезло познакомиться с человеком, который, чтобы спастись от этой должности, на месяц залёг в стационар. И изображал чуть ли не смертельно больного, которому ну никак нельзя доверить руководство театром, — изображал до тех пор, пока не отсверкали молнии и не нашёлся очередной камикадзе. Видимо, из высоких руководящих кабинетов ситуация виделась так: будет назначен «крепкий руководитель» — и тут же всё переменится, тут же в театр валом повалит зритель, будут сборы, театр начнёт выполнять финансовый план и т.д.

Были и другие «ноу-хау». Сам видел. В буфет театра, например, завозили дефицитные продукты. Исчезло, скажем,

в городе сливочное масло. И вот зритель приходит на спектакль и обнаруживает — а в буфете масло есть! И даже можно взять полкило! А после антракта сидят зрители в зале с бумажными свёртками в руках и... маются. Держать пакет в руках — неудобно, может потечь. На колени положить? Может ещё и костюм испачкать... Но ведь на следующий день зритель придёт на спектакль более подготовленным! А заодно и соседям, друзьям, сослуживцам про масло расскажет! И они тоже придут на спектакль. Только так! Нельзя же объявить по радио, что в театре можно купить масло. Это означало бы признать, что в магазинах его нет. Приходилось полагаться исключительно на другие средства массовой информации — тоже радио, но сарафанное.

К счастью, не единственным «театром корифеев» был жив город. Играли студенческий театр «Резонанс», театр оперетты в бывшей синагоге, переделанной в дом культуры, народный театр при другом ДК. Они и компенсировали — хотя бы частично — потребность горожан в театральном искусстве. Работали в них хорошие режиссёры — с театральным образованием, со вкусом, с подлинной любовью к своему делу — Валерий Дейнекин, Михаил Барский, уже названная Т. Корниец. Да и ставить стремились самые новые пьесы, не растиражированные ни другими театрами, ни, тем более, кино. И этим были интересны. Когда ещё дойдут руки у кинематографа или телевидения до Вампилова или Гельмана! А у нас — вот они, уже на сцене! Смотри, город! А актёры... Да, конечно, это была чистой воды художественная самодеятельность. Но... за новизну материала, за азарт, с которым они бросались в роль, им можно было простить многое — что трудно простить профессионалам, выходящим на сцену с мёртвыми глазами и отрабатывающим спектакль, как отрабатывают барщину...

«Лиса и виноград»

Тем временем областное партийно-советское руководство пришло к мнению, что мало менять только директоров — от режиссёров тоже что-то зависит. Послевоенный режиссёр Михаил Донец, как свидетельствует опубликованная на сайте областной библиотеки им. Чижевского статья Павла Босого «История театра на Кировоградщине», проработал в театре им. Кропивницкого почти 20 лет — с 1949 по 1968-й, поставил более 50 спектаклей. После него никакой другой режиссёр столько в театре не продержался. Режиссёр Савченко, который сменил главрежа Гиляровского и возглавлял труппу в начале восьмидесятых, говорят, даже написал и опубликовал мемуары, в которых рассказал, как сгущались тучи над его головой. Наконец гром грянул. На место Савченко назначили Натяжного, который работал в театре очередным режиссёром.

Мне кажется, Олег Натяжной был первым, кто заговорил вслух о важных и правильных вещах. О том, чем должен быть театр вообще и наследник театра корифеев в частности: музейным экспонатом, который хранится в застеклённой витрине и бережёт в себе дух далёкого прошлого, или живым театром, в который идёт зритель? С музейного экспоната, говорил он, нельзя требовать кассовых сборов. Зритель пойдёт только на новые постановки — премьеры, премьеры, премьеры!..

Так работал тогда театр Донатаса Баниониса в Паневежисе — десять-двенадцать премьер в год. Горожане, спешащие увидеть каждый новый спектакль! Полные залы, гастролы, известность на всю страну!..

«Эпоху возрождения» Натяжной решил начать постановкой «Лисы и винограда», Фигейредо. Я недоумевал — зачем брать в репертуар давно известное произведение? Многие наверняка видели старый фильм, сделанный по спектаклю Товстоногова в ленинградском Большом драматическом

театре. И вот зритель будет сидеть на новой постановке и невольно сравнивать — и то не так, и это не этак! Да и кто в нашем театре возьмётся соперничать с несравненным Эзопом-Полицеймако?! Или с Луспекаевым?..

В народном театре — то есть, опять-таки, самодеятельном коллективе — Татьяна Корниец только что поставила «Нижеподписавшихся» Гельмана — практически одновременно с БДТ Товстоногова. Я видел оба спектакля — и у нас, и в Питере. И просто порадовался, что Кировоград получил спектакль не хуже питерского.

Но Натяжной был уверен — если Товстоногов, поставив «Лису и виноград», сделал БДТ лучшим театром в Союзе, то же произойдёт и в Кировограде...

После премьеры я признал, что был не совсем прав. Вдруг заиграли актёры, на которых я уже поставил крест. Но главной удачей стал исполнитель роли Эзопа — Александр Майстренко. Сначала я смотрел с недоумением — ну куда ему до Полицеймако! И вдруг всё это ушло. Я увидел ЭЗОПА — да, другого. Но разве великий баснописец не мог быть ТАКИМ? Я смотрел и аплодировал вместе со всеми...

Я и сейчас считаю, что с «Эзопа» (под этим названием шёл спектакль и в БДТ, и в Кировограде) могло бы начаться оживление нашего театра. Но... Почему бы ни вспомнить, что и сам великий Товстоногов целый год завлекал зрителя в БДТ комедиями, а «Эзоп» вышел только в 1957-м? А объясняется всё это просто. Ключевое слово — и в пьесе Фигейредо, и в спектакле Товстоногова — СВОБОДА. В 1957-м, когда интеллигенция ещё боялась поверить, что за это слово больше не будут сажать, оно прозвучало как откровение. А в 1980-х, когда это же слово попытался повторить театр им. Кропивницкого, оно звучало уже иначе...

Кстати сказать, и в самом БДТ возобновлённый через десять лет «Эзоп» — с другими исполнителями, с названием «Лиса и виноград» — был уже другим спектаклем. Наступило иное время, ушёл пафос оттепели, и слово «свобо-

да» уже не так будоражило умы и сердца, как в 1957-м... А если говорить о «рецептах» Товстоногова, то был ещё один. Принимая БДТ, Товстоногов поставил условие: что бы ни происходило в театре — он сам неприкасаемая фигура. Его не отдадут на съедение труппе, как отдавали предшественников. И директор театра во всех конфликтах был на стороне Товстоногова, а не труппы... К выходу «Эзопа» в 1957-м БДТ был уже другим театром — театром Товстоногова, а не труппы.

Сильва, весёлая вдова и другие

В 1989-м театр им. Кропивницкого возглавил Михаил Барский. Он был первым, кто стал не просто главрежем, а художественным руководителем. Видимо, где-то в начальственных кабинетах родилась мысль, что если объединить в одном лице должности директора и главного режиссёра, в театре будет больше толку. Основную ставку худрук сделал на музыкальные спектакли и оперетту. Как-то пригласил меня на «Сильву»: «Не пожалеете — у нас новая исполнительница». А после спектакля спросил моё мнение. «Неплохо, — согласился я, — но голос тремолирует...» — «Тremoлирует», — спокойно согласился он. И я понял, что он недосказал: голос тремолирует, но зал полон. В моей памяти осталась моя же крошечная шутка, опубликованная под заголовком «Трагедія із театральної афіші»: «Сільва, весела вдова, тітка Чарлея, наречена з Парижу пошилися у дурні». Я действительно списал её однажды прямо со стенда с расписанием спектаклей. Однако были при Михаиле Ильиче и вполне серьёзные постановки. В том числе и в его режиссуре. Нечего на человека напраслину возводить! Вспомним хотя бы «Савву Чалого» — как не вспомнить, если я сам написал положительную рецензию? Успешно продолжал работать режиссёр Н. Горохов, пришедший при Натяжном. Пришёл из «Резонанса» очередным режиссёром Валерий Дейнекин. А Михаил Ильич, между прочим, остался

не только в памяти кировоградцев, но и вошёл в украинскую «Википедию».

Но проблемы при нём тоже были, хотя и дали знать о себе в полной мере, когда театр возглавил Иван Казнадий. И тут же в театре возникла революционная ситуация.

Я далёк от того, чтобы возлагать всю ответственность за это на нового худрука. Девяностые бесчинствовали в стране. Актёрам, как и всем прочим, месяцами не платили зарплату. Купоны, которые пришли на смену прежнему, пусть уже и не твёрдому рублю, на глазах обесценивались. Буханка хлеба, которая ещё позавчера стоила двести купонов, завтра могла стоить двести тысяч. На смену самому слову «деньги» пришло слово «бартер». Бедняги-актёры пускались во все тяжкие. Кто-то подрабатывал грузчиком, а потом играл спектакли с надорванной спиной. Кто-то, говорили, учился ловить лягушек — французы же их едят... Театр давал спектакли в колхозах — в тех, которые ещё держались, — получая «бартером» продукты. Но артисты были уверены, что именно их при распределении заработанного и обделяют. Они роптали, они требовали гласности, вмешательства прессы и высокого руководства. Похоже, впервые в истории нашего театра пытались показать, что не всё зависит от директора или главного режиссёра. Что есть в театре и третья сила — труппа. Лишь одного не было слышно в их ропоте: если есть третья сила, то и она несёт ответственность за то, что в театр не идёт зритель.

При новом худруке из театра ушёл Горохов — вернулся на телевидение. Сам он о причинах ухода молчит по сей день, но одни говорили, что он устал от театра, другие злословили: нажимать кнопки на режиссёрском пульте в телестудии легче, чем работать с живыми людьми. Третьи утверждали — его съел худрук...

Крайне некрасивой была и история ухода — нет, не добровольного, во всяком случае, не вполне добровольного! — из театра Сергея Козыря, нынешнего (на момент на-

писания очерка. — А.Ю.) главрежа, вместе с женой. И сам я в этом случае был не на стороне худрука. Я успел сделать одну-две публикации о ситуации в труппе, успел выступить в защиту изгнанной актёрской четы, а затем... затем меня просто перестали пускать в театр...

Но когда должность худрука занял Дейнекин, актёры были опять недовольны. Якобы у него в ходу одна фраза: «Я — художник, а вы — краски, которыми я рисую». Для спасения финансового положения театр больше не ездил по колхозам, да их практически уже и не осталось, но его здание, рассказывали актёры, сдавалось для проведения корпоративов, на которые оказались падки владельцы частных фирм, новые хозяева жизни. И жаловались, что им, артистам, опять ничего не достаётся...

Когда худруком стал один из старейших актёров Иван Кравцов — чем это было? уступкой труппе? — я сделал с ним интервью. Задал свои вопросы, честно воспроизвёл ответы и вдруг интуитивно понял — скорее всего, управление культуры рассматривает его только как техническую кандидатуру, чтобы театр не остался без руководителя, пока в иных городах и весях будут искать иного кандидата...

При следующем худруке, Михаиле Ильяшенко, театр получил звание академического, но мне довелось пообщаться с ним только тогда, когда началось разрушение здания. То, что я тогда написал, читатели, возможно, ещё помнят: гибнет памятник архитектуры позапрошлого века — гордость нашего города; гибнет здание театра, в котором работали замечательные актёры и режиссёры, чьи имена навсегда остались в сокровищнице нашей истории и культуры; плачевна судьба нынешней труппы — наследницы великой дореволюционной плеяды театральных деятелей. И дать зданию погибнуть — всё равно что собственными руками разрушить колыбель, из которой выросло всё наше театральное искусство, а заодно погубить и сегодняшний театр...

День сегодняшний

Думаю, совершенно случайно я нащупал тогда самое правильное слово — колыбель. Нет, звучало оно и до меня. Но мне вдруг открылось совсем иное его значение. Городу — плохо без театра. Но почему театру без города — хорошо?! Да потому, что они все, и режиссёры, и актёры, и художники, и самый рядовой билетёр, полагают, что если являются наследниками великого театра корифеев (колыбели украинского театра), то... вправе и оставаться... в колыбели... Зачем что-то придумывать, зачем пытаться прыгнуть выше головы, если и в колыбели хорошо? Да, появлялись за тридцать лет интересные спектакли, были интересные актёры и режиссёры — не могло их не быть! И даже начинало казаться — вот оно, вот сейчас! Театр перестанет быть раритетом, экспонатом, символом — да, дающим городу право гордиться своим славным прошлым... но... которого, если честно, всё равно толком никто не помнит. Но не делает погоды один-единственный спектакль, если репертуарная политика убога в целом. Блеснув, он уходит, оставляя горькое ощущение, что спектакль существовал сам по себе, а театр — сам по себе. Равно как сами по себе существуют город и театр, остающийся в колыбели! Да вы что! Это же колыбель! Руки прочь от колыбели!

Но сидеть в колыбели — бесперспективно. Театр сам отдаёт инициативу, которой должен был бы обладать по праву «главного театра» области, а может быть, если получит статус национального, и Украины. У кого поднимется рука бросить камень в кировоградский театр кукол, если он начал делать спектакли для взрослых? Наоборот — спасибо, что заполняет нишу, зияющую (жаль — не сияющую) вокруг «главного театра». «Собачье сердце», рассказывает (и показывает — есть что показать!) Г. Педько, директор театра кукол, стало дипломантом уже двух театральных фестивалей — «Сцена человечества» и «Госпожа Удача»

(фестиваль им. Павла Луспекаева). В начале июля, через три месяца после премьеры, я вновь побывал на спектакле «Декамерон». И убедился — зал, несмотря на жару, по-прежнему полон, все билеты проданы, а зрители сидят даже на приставных стульях. Разительный контраст с «Наталкой Полтавкой», которой закрыл сезон «главный театр». По-разному можно относиться к театру Юрия Жеребцова. Но ведь и он, Ю. Жеребцов, режиссёр и актёр, пытается вместе с художником-сценографом П. Босым и автором музыкального оформления В. Бабиюком заполнить «сияющую» нишу. К тому же, официально работая (не числясь — работая, играя на сцене!) в театре им. Кропивницкого, он поднимает и реноме театра, в котором получает зарплату. Его моноспектакль «Опыты новейшей инквизиции» (по Чехову) был с энтузиазмом принят участниками международных «Чеховских чтений» в Ялте в мае этого года. И не себя представлял Жеребцов на этом форуме — театр им. Кропивницкого, привёз из Ялты благодарственное письмо не себе — театру им. Кропивницкого. И, оставаясь артистом и представителем театра им. Кропивницкого, отыграл целый сезон в новом, подчеркну, не коммерческом проекте — «Театр в музее», реализованном совместно с областным художественным музеем. И закрыл этот сезон моноспектаклем «Комплекс Тимура» (по пьесе А. Розанова), который оказался поинтереснее «Наталки Полтавки»...

Замечу на всякий случай. Я не пытаюсь бросить камень ни в украинскую классику в целом, ни в «Наталку» Котляревского в частности. Это прекрасный материал, который на сцене Елисаветграда впервые был поставлен 130 лет тому назад (!) и любим зрителем по сей день. Просто... играть его надо, а не барщину отрабатывать!.. Ладно, не буду повторять то, что я честно сказал нашим «кропивничанам» в антракте и что услышал в ответ...

Кто чей наследник?

Не могу не коснуться нескольких больных вопросов, которые возникли по ходу общения с театральной и околотеатральной общественностью. Совсем не удивительно, что такие вопросы возникают и могут даже подаваться в самой гипертрофированной форме, когда происходит ломка всего уклада. В этом ряду и реконструкция привычного театру здания, которое оказалось под угрозой саморазрушения, и необходимость работать на чужой, арендованной у завода «Красная звезда», площадке. И новый директор. И новый главреж. И общее ощущение неблагополучия. А потому и что-то, из казавшегося давно устоявшимся, начинает вызывать сомнения.

Ну, например, может ли сам нынешний театральный коллектив считаться наследником великого театра корифеев? Какие основания он для этого имеет?

Здание театра, в котором труппа играла до начала реконструкции?

Но это здание никогда не было базовой площадкой для легендарного театра. Оно построено на частные средства как «зимний театр» — и ещё до создания труппы, которая была фактически бродяче-гастролирующим театром. Что-то труппа играла на этой площадке, уезжала, снова возвращалась, снова играла, но сам «зимний театр» был антрепризным. И наши великие предшественники, театр корифеев, — лишь одной из антреприз, которой он предоставлял площадку. Сам нынешний театр им. Кропивницкого ведёт свою родословную даже не из Кироваграда (или Зиновьевска), а из Александрии, где был основан в 1938 году. Просто ему повезло больше, чем театру, который работал в прославленном здании «зимнего театра», — его успели отправить в эвакуацию до прихода немцев. А труппу, работавшую в Кироваграде, отправить в эвакуацию не успели. И после освобождения Кироваграда она оказалась в поло-

жении многих других горожан, переживших оккупацию, — с клеймом «находился на оккупированной территории». И когда вернули из эвакуации театр, который до того работал в Александрии, то ему и отдали здание «зимнего театра», и его и объявили наследником театра корифеев.

Преимственность?

А в чём она, если и сам театр корифеев в разные периоды истории именовали по-разному и каждое из этих именовании вызывало свои сомнения — первый ли, профессиональный ли, украинский ли, репертуарный ли, или ещё какой-то? Как профессиональный театр «Руська бесіда» во Львове старше театра корифеев. Как репертуарный — старше театр Котляревского в Полтаве. Как украинский театр — старше труппа Старицкого. К тому же и не был театр корифеев чисто украинским театром, поскольку играл на двух языках — и по-украински, и по-русски... В чём, может быть, и заключались его преимущества по сравнению с нынешним театром им. Кропивницкого, в котором русский язык всегда был табу — что резко сужало репертуарные возможности (и даже в советское время, когда, как принято считать сейчас, делалось всё для уничтожения украинского языка)? Одно время при Советах театр корифеев называли даже «первым бытовым театром» — весьма сомнительный комплимент...

Но сам я, автор, полагаю, что термин «театр корифеев», который в конце концов прижился, вполне правомерен. Тем самым мы признаём, что речь идёт о выдающихся деятелях, которые, по выражению Станиславского, вписали свои имена в историю театра (и не только украинского) золотыми буквами. Замечательный, живой, интересный зрителям театр — а не экспонат музея восковых фигур. Вот это и есть самое главное, в чём нынешние «кропивничане» должны быть его преемниками. А тех, кто ищет прямых «родственных связей», отошлю к названной уже статье

Босого: режиссёр Михаил Донец — ученик Заньковецкой и Саксаганского.

Что дальше делать?

Стоп, а не риторический ли это вопрос? Ответ-то вроде бы ясен! Жить. Работать. Ставить спектакли, которые будут превращаться в СОБЫТИЕ, как стали событием спектакли «Собачье сердце» и «Декамерон» кукольного театра (уж извините, что сравниваю вас, наследники корифеев, с теми, кто таковыми не считается). Чтобы город ахал и бежал занимать очередь в кассу за билетами.

Но если не получится...

Что ж, есть несколько рецептов, о которых в околотеатральных кругах говорят сегодня вслух (замечу в скобках: не я говорю, не надо приписывать мне авторство — я лишь повторяю мнения, услышанные от других).

Один из этих рецептов содержится в интервью Юрия Любимова, режиссёра, известного ничуть не меньше, чем Товстоногов, — при желании это интервью можно найти на youtube. com. Давно пора, говорит режиссёр, отказаться от изжившей себя системы «театральной барщины» — т.е. от системы постоянных трупп, навеки прикреплённых к театру. Только контрактная система. А если нет таланта, если оказался невостребованным — ищи себя в чём-то другом. И незачем (вот это я готов уже и от себя добавить) паразитировать на звании «наследника».

Ещё радикальнее другой услышанный мной рецепт. Хотя, честно говоря, он ещё малоприятнее. Завершить реставрацию здания театра, вернуть городу предмет его гордости — одесскую оперу в миниатюре. И... опять превратить в антрепризный театр. Не театр «наследников», не театр нахлебников, не театр одного режиссёра или одного актёра — театр одного вахтёра. И гастрольные коллективы — самые лучшие театры, которые смогут привезти свои лучшие

спектакли, — по кругу. Тогда город проснётся, тогда пойдёт в театр, тогда почувствует — есть очаг культуры...

Вот только если это делать, то делать грамотно. Цены на билеты коллективов-гастролёров должны быть на уровне нынешних цен на билеты в театре им. Кропивницкого и театра кукол. Ну, разве что чуть-чуть дороже. Билеты стоимостью в сотни и тысячи гривен (что является нормой для гастрольных коллективов, приезжающих в Киев) нашему массовому зрителю не потянуть. Результат будет тот же, если не хуже — есть в городе театр (антрепризный), а для огромной массы горожан театра по-прежнему нет...

А потому оставляю пока эти рецепты повисеть в воздухе. В заключение лишь попытаюсь повторить некоторые общеизвестные истины.

Театр — одно из древнейших искусств человечества. Театр — это удовлетворение потребности человека смеяться, плакать, сопереживать и познавать самого себя. А потому, что ж, будем ждать и надеяться. И да будет театр!

Послесловие 2013 года

Закончив очерк этой коротенькой фразой с восклицательным знаком, я даже в страшных снах не мог предположить, что произойдёт после его публикации.

Во-первых, из театра «попросили» свежеиспечённого главрежа Сергея Козыря, который только-только, весной 2012-го, принял трушпу, активно вникал в репертуарную политику, смотрел, какие постановки смогут иметь зрительский успех, какими нужно пожертвовать, а какие — «подтянуть», да и сам, не откладывая дела в долгий ящик, взялся репетировать новый спектакль.

«После того» не означает «вследствие того». Но в околотеатральных кругах не замедлили обвинить в «уходе» Козыря (втором его уходе из Кировограда) автора опубликованного очерка. Помидуйте, доказывал я всем встречным и поперечным, ни слова против Козыря в моей публикации

нет, сам считаю свинством его увольнение через три месяца после приглашения на работу — лучше бы вообще не приглашали, а так, получается, пригласили только для того, чтобы плюнуть человеку в лицо. Поэтому, пожалуйста, не пытайтесь вычитать у меня «между строк» то, чего не было и быть не могло!

Во-вторых, и некоторые журналисты, которых я в период своей работы в СМИ считал коллегами и профессионалами, поспешили впасть в тот же грех чтения «между строк». В некоторых кировоградских газетах (да что там — на всеукраинском уровне тоже) появились публикации, в которых авторы приписывали мне то, о чём я не говорил (и даже не думал), а затем с блеском разбивали в пух и прах собственные измышления! Один из авторов (имени не называю — в рекламе оно не нуждается: вонь, исходящая из публикаций, подписанных этим именем, говорит сама за себя) вообще опустился до личных оскорблений...

Ладно, Бог им судья. Зато театр начал новый сезон в отремонтированном и реконструированном здании. Зрители идут на спектакли. И восхищаются Интерьером. Которому возвращён облик «одесской оперы в миниатюре». Все же остальные вопросы, поднятые в моём очерке, получают ответы, видимо, только со временем...

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Дебютти
в «ЛК»

Евгений ГИММЕЛЬФАРБ
Гамлет

Гамлет. Дальнейшее — молчанье (умирает).
Вильям Шекспир (перевод Б. Пастернака).

Фирс (бормочет что-то, чего понять нельзя).
А.П. Чехов «Вишнёвый сад».

На весёлом пиру,
По ту сторону дней человеческого мира,
Когда сам я умру,
Мне откроют герои трагедий Шекспира,
Веселясь и шаял,
Не считаясь уже ни с какими законами жанра,
Именуя шутом короля
И шутя площадно или даже базарно,
Ту великую тайну,
Ту, что долго тревожила Датского Принца, —
Жизнь случайна,
А смерть? Что за нею? Каков её принцип?
Неужели за всё:
За страданья, за радость, звериные игры весны,
Как безмозглый осёл,
Не узнавши, о чём будут смертные сны,
Безнадёжно тупой,
Уповая на то, что ещё там чего-то осталось,
Самой чёрной тропой
Побреду беззащитно, безвольно
в беззубую старость?!

Как тяжёл и велик
Мой пергамент минувших ненужных успехов.
Я — забытый старик.
Надо мной надругался своею комедией Чехов.

Что-то горькое мямлит
Обезумевших Фирсов бесплодная рать.
И безмолвствует Гамлет.
Жизнь дана, чтоб не ведать...
смерть дана, чтоб не знать?

Холодная весна

Была метель в апреле,
Стояли холода.
Душа ждала капли,
Но пели провода.
Метались ветры в раже,
И всё ж настороже
Стояли в стане вражьем
Деревья неглиже,
Храня покой и силу,
Божественную стать.
Убей их, изнасилуй —
Им низкими не стать.
Пустое время года:
Как будто не зима,
Но зимняя погода,
Сошедшая с ума,
До мая бесновалась,
Держала рубежи.
Но всё ж пришла усталость,
И вот ручей бежит.
Застывшие в терпенье
Деревья не спешат,
Их будят птицы пеньем,
Но дремлет их душа.

***

Всё будет не так, как хотелось!
Что прожито детскими снами —
Из сердца рвалось оготело:
То будет не с нами, не с нами!..

Промчались весенние ночи
И первые поцелуи,
Но жизненный путь не кончен,
А радости нас минуют.

Есть время для скорбных подсчётов.
Не воля, а стыд и терпенье...
Мы были наивны, не кто-то
Оплачивает заблужденья,

Не кто-то, мы сами в ответе
За наши наивные глазки,
За то, что мы взрослые дети,
За то, что мы верили в сказки.

***

«Время лечит» — идиома,
Обывательская чушь,
Заклинанье идиота,
Одурачиванье душ.

Отбирая жизни крохи,
Так орудует бандит,
С ним заигрыванья плохи —
Бьёт и плакать не велит.

От него не отвертеться,
И его не обмануть.
Время — ссадины на сердце,
Время — к смерти верный путь.

Григорій ЛІЩЕНЮК
Краплі зі стріхи

1

ще мені тебе трішки жаль
ще ти квота така й недужа
весно-весно облиш печаль
бо на зиму ти схожа дуже
хай навколо лежать сніги
і негоді немає краю
весно-весно знайди снаги
я давно вже тебе чекаю

2

ах які грайливі промінці
сипле сонце на старенький ганок
у квітучих вишень молоці
покупався білобрисий ранок
одягнув барвисту рясновіть
сонний сад що квітне біля хати
ця весна ну що не говоріть
а її не можна не кохати

3

у веснянок очі проліскові
сірі хмари губляться в імлі
на хмільному від роси бузкові
світяться ліхтарики малі
скоро жайвір височінь розбудить
співом засіваючи поля
і вдихнувши синь на повні груди
першим рястом вкриється земля

4

весногроми на дерева голі
весногроми а дощу нема

латки снігу на зчорнілім полі
ось і закінчилася зима
котикам вербовим сірі спинки
глядять золотаві промінці
йде весна немає їй зупинку
лиш тривожать весногроми ці

5

вона спіткнулась ненароком
не в силах подолать завій
у небі сірому високо
злетілись хмари снігові
і завертіло закрутилось
засніжило і загуло
чи це весні лише приснилась
чи може й справді так було

6

засніжені пустелі
залишилися в снах
зелені акварелі
вихлюпує весна
не за горами літо
вона ним тільки й снить
тож фарби їй жаліти
не треба ні на мить

***

білі хмари як білі воли
п'ють червоне намисто калини
снігу білого скрізь намели
заметілі вітри й хуртовини
у степу ні стежок ні доріг
тільки іній повітря лоскоче
білий сніг навкруги білий сніг
аж до болю засліплює очі

***

весна мов обірвалася в мені
здається світ для мене став незримим
кружляють з пелюстками теплі дні
і як на зло ані строфи ні рими
думки мої тепер не знаю де
ген по степу розбіглися мов коні
а хто й коли тепер їх віднайде
краплинами хай кине на долоні
годинник вуса стрілок закрутив
ген догори посеред ночі нині
напевно наховав для мене див
у пам'яті полатаній торбині

***

так живемо без віри і надії
пульсує кров із порваних аорт
спаливши до кінця останні мрії
ми сірий попіл кидаєм за борт
кричи гукай ніхто не одізветься
мов у пустелі не почують нас
закинувши за вухо оселедця
перебирає струни сивий час
земля колує у нестримнім русі
сліпець сліпця за руку он веде
нема Мойсеїв і нема Ісусів
де ви Ікари Прометеї де

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Сатира
Гумор*

Анатолий ЮРЧЕНКО

*Околотеатральный юмор***Хорошо**

В театр хорошо ходить с цветами. И вообще: ходить в театр — это хорошо. Потому что это — хороший тон. А не ходить — дурной.

К тому же в театр можно ходить в любую погоду. Если идёт дождь — в нём сухо. Если жара — в нём прохладно. А если мороз — то, может быть, даже тепло. И только тот, кто ни разу не был в театре, никогда не поймёт, почему ходить в театр — хорошо, а не ходить — плохо.

И очень хорошо, если вы идёте в театр. Да ещё с цветами. Это сразу поднимает вас в собственных глазах. И в театре вам — хорошо. Потому что в театре — свой особый воздух. Как говорят знатоки — атмосфера. В рыбном магазине, к примеру, такой атмосферы нет. И в парфюмерном — нет. В троллейбусе — нет. У вас дома — никогда не было! А в театре — есть. И вы сидите на своём законном месте, согласно купленному билету, и вдыхаете атмосферу. Никто вас не толкает, не отпихивает, не бьёт локтем под дых, не давит, не дышит в лицо перегаром, не ставит на голову чемоданы, не хватает за хлястик, не виснет... Хорошо...

Это хорошо, когда у человека есть своё законное место. Даже в поезде на вашем месте уже может кто-нибудь сидеть. Даже в поезде кто-то будет размахивать точно таким же билетом, как у вас, на то же самое место. А в театре — нет. И вам хорошо. Хотя вы никуда и не уезжаете. И хорошо, что постепенно гаснет свет. Иначе кто-нибудь мог бы заметить, каким беззащитным вдруг стало ваше лицо. С таким лицом на свету (или вообще на свете?) просто нечего делать. Даже в театре. И хорошо, что открывается занавес

и теперь все могут смотреть не на вас, а на актёра, который выходит на сцену и подаёт первую реплику.

И очень хорошо, что актёр выходит на сцену и произносит первую реплику. Хотя её и не слышно. Потому что как раз в этот момент открываются двери и опоздавшие зрители, громко пыхтя, идут на цыпочках к своим и не своим местам. Но вам всё равно хорошо. Потому что вы в театре. Да ещё с цветами. Вы сидите и выбираете актрису, которой вручите их в конце спектакля. Или актёра — если вы не мужчина, а женщина, любящая театр.

А спектакль идёт. И постепенно все зрители занимают места. И постепенно выходят на сцену все артисты, даже опоздавшие. И их становится больше, чем зрителей в зале. И им тоже становится хорошо. Поэтому они начинают петь. И это тоже хорошо. Потому что за пением не слышно, как встаёт и уходит первый зритель. Потом второй. Третий... И остаются только артисты на сцене да ещё вы в зале. Да ещё с цветами... Спыхватившись, вы вручаете цветы своей спутнице и, как все, вместе с ней на цыпочках выходите из зала. Билетёры смотрят вам вслед. Может быть, ваша спутница — актриса, которой вы вручили цветы и увели прямо со сцены?.. А спектакль продолжается. А может, уже и нет. Потому что актёры тоже люди. Их тоже кто-то где-то ждёт. И что с того, что вам было хорошо?.. Вечно хорошо не бывает.

Смотреть противно

Я сидел в партере и смотрел спектакль, когда меня легонько толкнули в бок.

— И вы это смотрите? — сочувственно прошептал сосед справа.

Я пожал плечами и прошептал в ответ:

— По-моему, вы тоже.

— Я! — внезапно разозлился он. — Да на это же смотреть противно! Они же в стельку пьяные — по сюжету! А они что вытворяют! Или они действительно в стельку?! Артисты...

Я мысленно послал его к чёрту, но скоро почувствовал новый толчок.

— А этот что делает? Смотреть же противно! Актёришка! Он же к ней с гнусными намерениями пришёл. Так давай! А он чего?.. Или у него никогда гнусных намерений не было?

На сцене шла комедия. Рядом со мной разыгрывалась драма.

— Вы посмотрите только! — яростно шептал мой сосед в очередном эпизоде. — Это она так сопротивляется! Смотреть же противно. Актрисочка... Она что, не сопротивлялась никогда?

Моих ответов он не ждал.

— А этот что изображает? Он же под поезд кинуться собрался. Актёр называется! Он что, под поезд никогда не кидался?

Улучив момент, я сочувственно прошептал прямо в его большое ухо:

— Вы, наверно, режиссёр?..

— Режиссёр?! — взорвался он. — Да если хотите знать, всего противнее здесь — режиссура! Ну взялся ты ставить про бомжей — ставь! Но так, чтобы жизненно было! Или он бомжем никогда не был?

— Послушайте, — не выдержал я, — в конце концов!.. Если не нравится, можете просто уйти.

— Могу, — согласился он уныло. — Только зачем? Самое противное, что мне на всё это ещё и рецензию писать.

— Какую рецензию? — не понял я.

— Как это какую? — вышел он из себя окончательно. — Ясно же какую! Положительную.

Прекрасно!

(Опыт типовой театральной рецензии)

Прекрасно! Вот единственное слово, которое хочется повторять, говоря о новой премьере Заболотинского музыкально-драматического театра.

Прекрасны песни, которые звучат в спектакле. Правда, актёрам не хватает голоса, но этот маленький недостаток почти незаметен на фоне всего остального.

Прекрасна музыка (о которой нельзя сказать ничего плохого, кроме хорошего). И хотя исполнительский уровень оркестра ниже всякой критики, это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен темп пьесы, искромётны её диалоги, чрезвычайно насыщен текст. Правда, режиссёрские решения и игра актёров практически не позволяют донести этот текст до зрителя, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

Прекрасен замысел главного балетмейстера театра. К сожалению, хореография противоречит общему настрою спектакля, но и это почти незаметно на фоне всего остального.

И самое главное в сегодняшней премьере — прекрасно, что наконец коллектив нашего театра обратился к современной, злободневной, удивительно глубокой и чрезвычайно выразительной пьесе!

Но и это почти незаметно на фоне всего остального.

Убойная сила искусства

Башмакова в театр пригласили. Приятель пригласил — дескать, у него две контрамарки на премьеру, а спектакль — сплошной авангард: два отделения — и все голые.

Башмаков подумал и говорит:

— Слушай, может, ты театр с баней перепутал? Там тоже два отделения — мужское и женское. И все голые.

Приятель обиделся. Дескать, он ещё не того, чтобы театр от бани не отличить. Во-первых, они на разных улицах. Во-вторых, в бане посетители голые, а персонал одетый, а в театре наоборот: посетители одетые и на голых артистов плятятся.

— Эка невидаль! — Башмаков говорит. — Давай тогда лучше в сауну сходим. И на голых насмотримся, и сами разденемся, и в парилке понежимся, и в бассейне поплещем-

ся... Заодно и помоемся. А в театр ты лучше подругу свою своди.

— Да не могу я подругу, — приятель шепчет. — Не выдержит она, до антракта досмотреть не даст. Да и ты тоже — чего ты в той сауне не видел?! А в театре артистки на сцене, целых восемь штук, говорят.

— погоди, у них спектакль про баню, что ли? — Башмаков забеспокоился. — Артисткам не холодно? Там же вроде, в театре, с начала зимы не топили ни разу. Зачем им голыми выходить?

— Так у них же сборов нет! Поэтому и голые, чтобы доходы поднять!.. А не холодно им потому, что великая сила искусства... Артисты на артисток смотрят, артистки на мужчин в зале — вот всем и жарко.

Тут даже Башмакову жарко стало. Он и согласился. И вот сидят они с приятелем в театре одетые и ждут, когда им голых покажут, — холодно зато, правда, а всё равно жарко.

И наконец свет в зале чуть пригас, гонг ударил, а на сцену целая орава вывалилась. Смотрит Башмаков — а лица у них у всех такие, будто им всем только что зарплату дали. Месяцев так за восемь примерно. И будто они уже в ближайший гастроном сбегать успели.

— Ты чего меня обманул? — Башмаков приятеля спрашивает. — Они же все одетые.

— Это только вначале, — приятель шепчет. — Праздник у них сегодня. Не то тысячная премьера со дня основания театра, не то тысячный зритель с открытия сезона...

Потом речи кончились, начальство со сцены спустилось в зал, расселось, и спектакль начался.

— А эти чего все одетые? — Башмаков опять спрашивает.

— Не знаю, — приятель шепчет. — Сам удивляюсь. Может, потому, что при начальстве.

Только в антракте приятель разобрался, что к чему. Оказывается, он всё не так понял. Это ему в переносном смысле говорили, что артисты голые. А голые они потому,

что им действительно восемь месяцев зарплату не давали. Короче, пришлось обоим плюнуть на всё и действительно пойти в баню.

Хотя нет... Башмаков с тех пор в театр ходит. Придёт, билет в кассе купит, чтобы сборы поднять, но на спектакль не идёт. Как подумает, что опять на голых смотреть придётся — очень уж ему неловко становится...

Крутой стимул

Директор театра выглядел, как Вахтангов в момент последнего прощания с верными соратниками и друзьями.

— Я попросил собрать расширенный худсовет, — начал он мрачно, — чтобы сообщить вам, господа, пренеприятнейшее известие: к нам наезжали крутые...

— Крышу предлагают, — задохнулся от ужаса кто-то в дальнем углу.

— А и давно крышу чинить пора, — вдруг подала голос уборщица Мольерова-Петипа, которая застряла в зале, демонстрируя свое служебное рвение, — а то протечки одни! Скоро придётся уже и в партере ведро подставлять!

— Выйдите, Офелия Гамлетовна, — закричал директор, — а то у вас лично ведро потечёт. Деньги они нам дают! На постановку.

— Это на какую же? — осторожно спросил главный режиссёр. — Что-нибудь из?..

— Для души что-нибудь! — перебил директор невежливо. — Один даже прямо сказал: «Евгения Онегина» хотим.

— Это же опера! — пискнула актриса-травести, которая недавно закончила училище и не всё забыла.

— Это роман, — отрезал директор. — В стихах. И он его, между прочим, читал.

— Они и читать умеют? — удивился художник.

— Он его в школе читал, — пояснил директор.

— А... Ну тогда, наверно, умел, — согласился художник.

— Если на костюмы дадут — надо ставить.

— При чём тут костюмы, — нервно закричал главный режиссёр, — если они для души хотят! Что не так — всю душу потом вытрясут. А Онегина кто играть будет?

— А хотя бы и я, — раздался бас героя-любownika. — Рецензии на меня всегда положительные.

— Станут они рецензии читать, как же! — Желчно засмеялся очередной режиссёр. — И ты тоже — на премьере наколбасишь, ни одной прочесть не успеешь.

— А я не буду, не буду Татьяну играть, — запричитала вечно юная героиня, жена главрежа. — И Ольгу не буду! Разве няню?.. Няню, небось, пожалеют, не тронут старушку!

— А кто меня пожалеет? — закричал директор. — Не выживет театр без спонсора, нет!

— А мы ради этого должны головы положить? — закричал очередной режиссёр.

— Да я не о том вовсе! — закричал директор.

— А я о том! И Вовси! И Мейерхольд!.. Да хоть сам Станиславский! Они бы в жизни не согласились, а мы... Психи мы, что ли, с крутыми связываться?

— А я бы Татьяну сыграла, — мечтательно сказала молодая актриса Холодецкая-Сольвейг и потянулась всем своим пышным телом. — Такую бы душу вложила!.. Мне, кроме ампула субретки, терять нечего!

— А я — Ленского, — откликнулся молодой актёр Сухово-Мокриди. — Всё равно помирать — что по роли, что без зарплаты...

— Жить захочешь — и на сцене погрёшь с радостью! Даже если Онегину настоящие пули дадут! — подхватил Щепкин-Гомиашвили. — Меня во второй состав запишите!

— А я поставлю! — загорелся вечный помреж Данченко. — Не только жить, мне ещё и кушать хочется!

— Фуршет после премьеры, между прочим, для всех будет, — пообещал директор.

...Спектакль, судя по рецензиям, получился авангардистским.

Когда звучат слова о не в шутку занемогшем дяде, на заднике возникает реклама аптеки Хворобуцких. На балу пьют водку от братьев Мордворотовых.

В первые четыре ряда партера, закупленные раз и навсегда, её подают смазливые субретки в легкомысленных передничках. Скромные по размерам (а потому нескромные во всех других отношениях) маечки на Татьяне, Ольге и няне украшены рекламой производителя и поставщика. Ленский и Онегин стреляются по-настоящему. И до тех пор, пока один не поразит другого. Финал спектакля зависит от исхода дуэли! И всегда по-настоящему неожидан.

Правда, пули у дуэлянтов не настоящие — шарики с крапивою. Зато в фойе работает настоящий тотализатор.

Над зданием театра сияет совершенно сказочная крыша.

И только постамент, на котором стоял бронзовый Пушкин, с некоторых пор пуст. Говорят, памятник присмотрел кто-то из крутых и со словами: «Цветной! Ох, цветной! Цветной-таки!» — вывез в какое-то средней дальности зарубежье, где продал по цене цветного лома.

Впрочем, многие полагают, что Александр Сергеевич ушёл сам. Кто знает, может быть, он когда-нибудь ещё вернётся?..

Премьерой под занавес

(Речь «лица от театра» перед спектаклем)

Дорогие друзья... Завершая сезон... сезон юбилейный... да... У нас теперь каждый сезон — юбилейный... да. Уж если продержались целый год... да... Несмотря на то, что он был как всегда успешным! Триста шестьдесят пять спектаклей шли целых двенадцать раз!.. Нет, дней. Нет, раз... Или всё-таки дней? Триста шестьдесят пять — это дней в году. А двенадцать? Месяцев?

Кто писал этот текст? Покажите мне того гения, который писал этот... Вы думаете, если театр, нам тут гении нужны? Гении, слава Богу, поуходили. Остались только мы.

И артисты. И слава Богу... слава Богу, артисты уже начали кое-что понимать. Некоторые даже вовремя приходят на работу. В день зарплаты. Даже если её не дают. Всем давать — никакой зарплаты не напасёшься.

Но несмотря на все наши трудности, наш дорогой зритель... Где замдиректора?.. Ну?.. Где зритель? Не надо! Я же помню: в тринадцатом ряду сидел зритель. А сейчас? Глаза поднимаю — его нет. Видите? А я не вижу! Какой вы замдиректор, если не можете организовать зрителя!.. Ну так поторопитесь!.. Какое ещё недержание? Какое он имеет право? Это я могу себе позволить... но я-то как раз держу! Держу речь. Значит, я держу — а у него недержание? Всё, садитесь в тринадцатый ряд — и слушайте сами.

Замечательная комедия, которую мы поставили, замечательна прежде всего тем, что мы её поставили. Она очень смешная. И доказывает, что театр по-прежнему на подъёме. Многие артисты смеются. Поймите их правильно. Так они дают понять, где зритель должен смеяться. А если они плачут, то лишь потому, что им это не удаётся. Не надо над ними за это смеяться.

Короче, всё у нас хорошо. А дальше будет ещё смешнее. Всё. Можно смеяться.

Вершина

Я гениальный драматург.

Вот теперь я это знаю точно.

Правда, первой моей пьесе повезло сразу.

Её даже прочитали. Сначала завлит, потом очередной режиссёр. Режиссёр даже потащил мою пьесу — зачем-то вместе со мной — на худсовет.

Худсовет, однако, проявил бдительность.

С экспрессией, свойственной людям театра, мне живописали все ужасы, которые впоследствии, стоит поставить мою пьесу. Худрук и герой-любовник в лицах изобразили сцену под названием: «Добыча полезных ископаемых бывшими работниками Н-ского театра в местах не столь отда-

лённых». Главный художник при этом служил им декорацией. Актрисочка — пассия худрука, светясь от негодования, изображала нечто среднее между полезным ископаемым и урановой рудой, считать которую полезным ископаемым могут только разработчики атомных реакторов.

Я ушёл с худсовета со смешанным чувством. У меня было чувство, что мою пьесу смешали с полезным ископаемым.

Второй моей пьесе тоже повезло. Она провалилась только на премьере. До этого всё шло хорошо. Ну, естественно, пошивочный цех не успевал. Столярный тоже. Две актрисы упали в оркестровую яму. Взорвался софит и помреж. Электрик отпоил его валерьянкой. Всё было хорошо.

На премьере стало ясно, что актёры абсолютно не справились с ролями, текстом, нервами, режиссёрским замыслом и похмельем после генеральной. И только два актёра играли то, что надо, и так, как надо. Поэтому именно на них обрушился весь огонь критики.

Стиснув зубы, я сел писать новую пьесу! Она могла стать первой отечественной пьесой для двух актёров. Но не стала. Один из этих двух не выдержал. Ушёл. На телевидение.

Я стиснул зубы и решил их больше не разжимать. Но тут худрук загорелся новой идеей. Спасти театр чем-нибудь совершенно кардинальным. Поскольку я и сам уже ни во что не верил, то сел писать новую пьесу.

Такого не было ещё ни в одном театре мира.

Вспыхивал и гас свет, освещая длинный коридор коммунальной квартиры. Зритель успевал увидеть закрывающуюся за кем-то дверь. Где-то в кухне бубнило радио. Зажигались полоски света под дверями комнат. Вразнобой звучали телевизоры. Грохотала вода из сливного бачка. Грохотали шаги, и кто-то стучался в темноте. Звучал гимн Советского Союза. Слышался голос диктора: «ТАСС уполномочен заявить...»

Пьесу приняли. Отвергли. Снова приняли. Снова отвергли...

Наконец, когда сокращение штатов, о необходимости которого говорил худрук, стало объективной необходи-

мостью, пьесу приняли к постановке. Критики обозвали её гениальной задолго до премьеры — и оказались правы. Провал был гениальным! Двери хлопали не в лад. Вместо света включался звук, но исчезал, стоило включиться свету. Сценография была великолепна, но не работала на замысел режиссёра. Музыка работала — но не в том ключе. А сам режиссёрский замысел ни на что не работал, поскольку замысла не было, а концепция никуда не годилась. Я стиснул оставшиеся зубы: выход был один. Надо было написать пьесу, которую не смог бы испортить никто...

И вот сегодня я смотрю спектакль по лучшей своей пьесе. Уже много вечеров подряд идёт он с неизменным успехом. Я добился всего, мне нечего больше желать. Я знаю: это вершина.

В городе давно нет театра. Его здание арендует коммерческая структура. Но зал и сцену здесь сохранили. Ещё бы! На этой сцене выступал сам великий Безнадий-Ламповецкий. И вот каждый вечер... Кстати, я тоже работаю в этой структуре. Ночным директором. В смысле вахтёром. Ночь отдежурил — два дня дома. Поэтому свой спектакль я смотрю через два дня на третий.

Когда становится ясно, что никто меня уже не потребует, я на цыпочках вхожу в зрительный зал. Действие в разгаре, и я осторожно устраиваюсь где-нибудь сбоку. Сюжет я знаю наизусть, но каждый раз восхищаюсь точностью замысла и филигранностью трактовки. Громко стучит сердце — это хударук колотит по столу кулаком, объясняя, почему нельзя ставить мою первую пьесу. Две актрисы бесполезно падают в оркестровую яму. Я сижу один в пустом тёмном зале перед пустой тёмной сценой. В темноте проходит жизнь — моя и не моя, — из темноты пришедшая и уходящая в темноту. Но я безумно благодарен создателям этого шедевра.

Потому что я не только гениальный драматург. Я ещё и гениальный зритель.

Анатолій КУРГАНСЬКИЙ

Сатиричнінки

(З циклу «Сергій Смирнов і я»)

Зазнайство

Металева гривня паперовій каже:
— Ти мені не пара, бо я більше важу.

Бізнесмен

Собі взяв «Джипа» і «Рено»,
А «Форда» — доці Наті.
Бо... сторож він уже давно...
На м'ясокомбінаті.

Митець

Він тихо дні свої розтринькує —
То п'є та їсть, то їсть та п'є...
Бувають дні, що на гітарі бринькає —
Це все, що він мистецтву віддає.

Рибалка рибалці

Ставки по селах продали і ріки —
Невже це по сільрадах всі каліки
На голову?.. Жиріючи від вод,
Дурять й обкрадають свій народ!

Верх нахабства

Зозуля в лісі Солов'ю
Давала інтерв'ю:
— Прийдіть в мою сім'ю,
Адресу дам свою.

Драпонула

Весілля грали днів із п'ять,
Та стало всім відомо:
Не просиха з горілки зять,
А молода... вже дома.

Діалог

— Ну що зловив?
— Всього лиш Окунька,
Зірвалась Щука, глянь. Ну ось така!
— А в мене Короп втік,
десь п'ять кіло було!
Пішли на ринок, візьмем, що втекло.

Медовий місяць

Медовий місяць у Андрія влітку,
Завидує йому сусід — і все!
Бо бачить, як бідонами в повітку
Той мед з чужої пасіки несе.

Довгі нігті (жіноче)

По виду нігтів можна бачить,
Що для суспільства руки значать.

Валерий КОРНИЕЦ

Тексты с подтекстом

* * *

Размножилась членов епархия
В правительстве, Раде и партиях.
Не ждите добра хоть на унцию —
У членов конкретная функция!

* * *

Ну почему живём мы плохо?
Нас жрут клопы, и вши, и блохи.
Чтоб укусить, коварный овод
Всегда подыщет веский довод.

И литрами людскую кровь
Пьют штурмотряды комаров.
А мы блуждаем меж трёх сосен,
Живя в эпоху кровососов.

* * *

Ну как уснуть спокойным сном?
Не предоставлен выбор нам:
То заорут коты весной,
То кандидаты — к выборам.
Орут, одну лишь цель имея...
И всё-таки коты честнее.

* * *

Он думает, что пишет, как Эразм,
И, как Крылов, гоняет скот на выпас...
Под старость нам не трудно впасть в маразм,
Но невозможно из маразма выпасть.

* * *

Сорок лет Моисей
Вёл народ по пустыне,
Чтобы стало для всех
Мясо в рабстве постылым.

И пустыни здесь нет,
Не видать Моисея...
Двадцать лет по стране
Водят нас фарисеи.

Набиваем зобы
Чем попало под старость.
Мяса вкус позабыт,
Но Свобода осталась!

Крепнут наши ряды,
И едины все классы:
Мы свободой горды!
Но... так хочется мяса.

Бомбила

Где такое раньше было?
Не поверил бы никто:
За баранкой поп-бомбила,
Да не в рясе, а в пальто.
Службу справил — и в такси.
Это ж, Господи, спаси!

Видно, люди мало платят.
Да, парниша, ты попал:
На одну прожить зарплату
Трудно даже для попа.

Пассажиры — весь приход —
Множат батюшке доход.
Есть клиент — момент лови.
Господи, благослови!

* * *

Активны в Раде депутаты:
Дерутся, спорят — дыбом шерсть.
У каждого ума палата.
Жаль, что «Палата номер шесть».

* * *

Прут в классики, хоть что-нибудь слепив,
На качество усилий не потратив.
Но если их талант слегка червив —
Гарантия... что вырос без нитратов.

* * *

Любовь нам Адамом и Евой завещана,
И чашу любви каждый пьёт до дна:
У каждого есть своя первая женщина,
А вот последняя — у всех одна.

Рулетка

Двигется стрелка,
Шарик — по кругу.
Жизни рулетка —
Наша подруга.

Ищем удачу
В цифрах и цвете —
Так иль иначе
Всё сдует ветер.

Горечь во вскрике —
Выбор не точен.
Знали бы прикуп —
Жили бы в Сочи.

Крутим упорно
Жизни рулетку:
Мимо — бесспорно,
Выигрыш — редко.

Всё, без остатка —
В долг, всю державу...
Делайте ставки!
Нечего ставить...

* * *

Не напишут сценарий Наумов и Алов,
Режиссёров-творцов не найти на Руси.
И актёришки бегают по сериалам,
Не меня ни образ, ни даже труссы.

* * *

Мы слышим часто,
До неприличия:
Не в деньгах счастье,
А в их количестве.

Звенят монетой
Скопцы блудливые:
Скупить планету —
И стать счастливыми.

Я в зной и в ливень
Живу на зависть вам:
Уснул счастливый,
Проснулся радостный.

Играет гаммы
Ветрами осень мне,
А под ногами —
Алмазы росами.

Сорю стихами,
Как цветом вишни,
А вы — деньгами
В людской кровище.

Иду, шагами
Планету двигая.
Вот так же сами
Смогли бы? Фигу вам!

Полезный совет

Желудок лечите голодом
И летом готовьте сани,
Держите голову в холоде...
А ноги остынут сами.

Дмитро ТАНСЬКИЙ

Іронічна поезія

Кінець світу

Дід до баби пристає:
— Де в нас оковита,
Бо ніхто вже не наллє,
Скоро ж кінець світу!
Що ж, тепер під три чорти
Той бутель ховати?
Бо комета вже летить —
Світ наш розірвати.
Ти збираєшся у рай,
Дай на пиво гривні,
Та горілку не ховай —
Пропаде все рівно!
Баба діда в піку — блись!

— Ти, старий, сказився:
У люстерко подивись,
Тиждень не голився!
Я не знаю — що, де й як
Могорич той брати,
Бо зібрався наш свояк
Нам город орати!
Йому пляшку не наллєш,
Сплюне — і з привітом:
Не прохай, не повернеш —
Буде кінець світу!

Було колись

Хоча й не був великим паном,
Але частенько їв як слід:
Півсклянки свіжої сметани
Брав у їдальні на обід.

Тепер крамниці — зайва маса,
А супермаркет — для осіб:
В них з напівхімії ковбаси,
Та через день черствіє хліб.

Ми — українці привокзальні,
Бо з міста все везем в село.
Були колись людські їдальні,
Тепер в кафе всіх повело.

За півзарплати купиш гуску,
На пиво виконаєш план...
Бери в кишені ще й закуску,
Якщо не пустять в ресторан.

У дядька з номером корова —
Законтракована, в хліві...
А я з друзками хлєпчу пиво
У сквері тихім на траві!

Світлана ТИМКО

Невиліковно хвора

Заболіло в Нати горло,
Заколело в вусі,
Тож вона телефонує
Татові й матері:
— Ваша доня дуже хвора,
Що робить — не знаю,
Треба було б лікуватись,
Та грошей не маю.
У відповідь батьки кажуть:
— Жаль, ми неможні,
Грошей будемо присилати
Наскільки спроможні.
І ще місяців зо три
Ішло «лікування».
Доня дуже батькам вдячна
За їх піклування.
Бо подрузі із радощів
Телефонувала:
— Ой, яку я гарну шубу
Хутряну придбала!
В мене добрі мама й тато —
І мене жаліють:
Скільки грошей присилають,
Та не обідніють.
На всіх присланих грошах
Я не ставлю крапку,
Хоч до шуби вже купила
Чобітки і шапку!

Літературна Кіровоградщина

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Відомості
про авторів*

Кіровоградська обласна організація
Конгресу літераторів України
(КОО ВТС КЛУ):

Авруцкий Ефим Яковлевич. Поет. Родился в Кировограде в 1936 г. С 1994-го живёт в Германии. Автор книг «Мои пятилетние сверстники», «Народ мой» и др.

Биденко Наталья Ивановна. Поэтесса. Автор книг «Сумувало літо», «Инверсия любви» и др. Живёт в Кировограде.

Горяна Уляна (Сіра В.М.). Поетеса та прозаїк, майстер верлібрів. Проживає в смт. Олександрівка Кіровоградської області.

Ильин Николай Николаевич. Поэт и переводчик произведений Пушкина, Ершова и Котляревского на цыганский язык. Живёт в Кировограде.

Ковалішина Алла Олександрівна. Поетеса. Член Народної академії творчості інвалідів. Мешкає в смт. Петрове Кіровоградської області.

Корниєц Валерій Петрович. Поет и переводчик. Автор сборников, включающих собственную и переводную поэзию. Живёт в Кировограде.

Кримський Анатолій Анатольевич. Поет, прозаїк. Член Міжнародного співтовариства письменницьких Спілок та НСПУ. Проживає в с. Цвітне Кіровоградської області.

Курганський Анатолій Порфирович. Поет. Видав збірки «Сценарій про віварій», «Шепіт вітру степового» та інші. Мешкає в Кіровограді.

Любарский Роман Рафаилович.
Поэт, переводчик, журналист. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Ныне живёт и работает в Кировограде.

Надутенко Елена Валентиновна.
Поэтесса. Автор лирических и детских книжек. Председатель Союза предпринимателей малого и среднего предпринимательства Кировоградской области, кавалер Серебряной звезды «За заслуги».

Николаевская Людмила Павловна.
Поэтесса. Журналист. Автор четырёх книг поэзии. Живёт в Кировограде.

Танський Дмитро Іванович. Поет. Однаково вільно почувається як у жанрі сатири та гумору, так і в ліриці. Мешкає в Кировограді.

Тимко Світлана Парфентівна. Поетеса, прозаїк. Автор книг — роману, повістей, оповідань. Живе в смт. Олександрівка Кіровоградської області.

Чечель Анатолій Петрович. Поет. Закінчив музично-педагогічний факультет Кіровоградського педінституту. Відмінник народної освіти. Мешкає в Кіровограді.

Шпудейко Сергей Макарович. Поет и прозаик. Автор книг на русском и украинском языках. Живёт в Кировограде.

Шульга Андрей Анатольевич. Поэт-бард. Участник и победитель бардовских фестивалей. Живёт в Кировограде.

Юрченко Анатолий Петрович. Прозаик, журналист, сатирик. С 2011-го — председатель Правления КОО ВТС КЛУ.

**Дніпропетровська обласна організація
Конгресу літераторів України
(ДОО ВТС КЛУ):**

Валовая Татьяна Николаевна. Поэтесса. Родилась в маленьком посёлке на Колыме (14.07.1954), выросла в Днепропетровске, окончила Харьковский государственный институт культуры. Автор пяти поэтических сборников.

Гашинов Юрий Семёнович. Поэт и прозаик. Родился в Ташкенте (9.02.1948) в семье военнослужащего. Учился в Ленинграде. В 1972 г. окончил Днепропетровский медицинский институт. Автор книг поэзии и прозы. Лауреат всеукраинской литературной премии им. В. Даля.

Гнатюк Юлия Валерьевна. Поэтесса и прозаик. Родилась в с. Ново-Днепровка Запорожской области (14.01.1961). По образованию филолог. Автор поэтических сборников и семи книг прозы. Член-корреспондент Петровской академии Наук и Искусств. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2008). Лигой Писателей Евразии награждена медалью «Литературный Олимп» (Москва, 2010).

Кашаев Павел Николаевич. Родился в столице Каракалпакии — Нукусе (3.08.1948), куда его семья была эвакуирована из Симферополя в начале Великой Отечественной войны. Профессию филолога получил в Костромском государственном педагогическом университете имени Н. А. Некрасова. Автор двенадцати книг. Лауреат литературных премий имени В. Сосюры, В. Даля (МСПУ) и Д. Кедрина.

Куликов Сергей Александрович. Родился в Феодосии (1987). По образованию географ. Живёт и работает в Днепропетровске. Лауреат областных поэтических фестивалей «Пушкинский свет», «Екатеринославская лира» (2010), финалист областного конкурса «Молодая муза» (2010). По-

бедитель конкурса поэзии в рамках всеукраинского литературного фестиваля «ТА-НЕ-НА-ДО Фест» (Днепропетровск, август 2010).

Кутняк Александр Иванович. Поэт и прозаик. Родился в Павлограде Днепропетровской области (15.06.1941). Рос в сиротских специнтернатах Украины и России. Работал слесарем-сборщиком. Окончил два факультета Днепропетровского госуниверситета — по специальностям «Русская филология» и «История». Работал в школах, в газетах. Член Национального союза журналистов Украины. Лауреат литературной премии им. В. Даля. Автор десяти книг.

Милаш Николай Ильич. Родился под Балаклеей Харьковской области, в селе Вербовка (19.12.1925). В июле 1941 года после 9-го класса добровольно ушёл на фронт. Окончил Харьковское танковое училище (в Самарканде). От Северо-Западного фронта и Курской дуги с боями дошёл до Берлина. Имеет высшее юридическое образование. Стихи Н. Милаша включены во всеобщую энциклопедическую антологию русской поэзии «Душа России» («Золотая библиотека поэзии»). Лауреат литературной премии имени «Молодой Гвардии».

Москалец Николай Григорьевич. Родился на Днепропетровщине. Окончил филологический факультет Днепропетровского госуниверситета. Автор двух сборников поэзии, соавтор коллективных сборников. Лауреат литературной премии им. В. Сосюры.

Виктор Невский (Ковриженко Виктор Яковлевич). Поэт. Родился в Ленинграде (30.05.1931). Ребёнок блокадного Ленинграда. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище (Ленинград — Севастополь). Служил на подводных лодках. Около 40 лет проработал в проектном институте в Днепропетровске. Автор двух книги поэзии. Лауреат литературной премии им. М. Матусовского.

Некрасовская Людмила Витальевна. Поэтесса, прозаик, эссеист. Родилась в Молдавии, г. Бендеры (8.11.1956). Окончила Днепропетровский горный институт (дипломы инженера по автоматике и телемеханике и корреспондента и литературного работника). Член профессиональных союзов писателей и журналистов в Лондоне, Мадриде, Москве, Киеве, председатель Днепропетровской областной организации Конгресса литераторов Украины. Почетный гражданин искусства (Мадрид), Золотое перо Руси (Москва). Лауреат множества международных литературных премий, фестивалей и конкурсов. Автор двенадцати книг.

Поливода Світлана Данилівна. Поетеса. Народилася у Дніпропетровську (22.04.1954). Закінчила Дніпропетровський інститут інженерів транспорту. Більше 20 років проробила в проектному інституті. Видала сім поетичних збірок. Лауреат літературної премії ім. М. Матусовського.

Пшенишняк Микола Федорович. Народився восени 1948 року. Заявив про себе збірками віршів, публікаціями в літературно-художніх виданнях Західного Донбасу. Спів-автор поетичних книг «Самотканські зірниці», «Рідне місто моє». Проживає у м. Верхньодніпровську.

Сидоренко Наталья Михайловна. Родилась и живёт в г. Николае Днепропетровской области. Член Международного Союза славянских журналистов. Автор пяти поэтических сборников. Председатель «Никопольской коллегии предпринимателей и общественных деятелей», зам. руководителя литературной студии «Звонница». Автор романа «Волк о векселе».

Скуратовский Владимир Ильич. Поэт, композитор, педагог. Родился в Днепропетровске (28.04.1963). Окончил теоретико-композиторский факультет Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Преподаватель Днепропетровского музыкального училища и Днепропетровской консерватории им. М.И. Глин-

ки. Член Национального Союза композиторов Украины. Автор поэтических книг «Где ночуют облака» и «Распахнутое небо над собою».

Хейфец Елена Евгеньевна (по девичьей фамилии Овчинникова). Поэт, прозаик и журналист. Родилась в России, в Тамбове (23.11.1952). Окончила факультет русской филологии. Издала пять книг прозы и поэзии. Лауреат литературной премии А. Обухова (РСПП), премий имени Гринченко и общенационального литературного конкурса «Українська мова — мова єднання».

Швец-Васина Елена Ивановна. Поэт, журналист. Родилась в пос. Червоноармейск (ныне г. Вольнянск) Запорожской области (27.08.1950). Окончила физфак ДГУ. Автор четырёх сборников стихов. Композитор, автор и исполнитель песен, член Ассоциации композиторов Днепропетровского отделения Национального Всеукраинского музыкального союза. Лауреат литературных премий им. В. Сосюры и им. Олеся Гончара (международного ежемесячника «Борисфен» — 2009 г.).

Інші автори:

Гиммельфарб Евгений Юзефович. Уроженец Свердловска Луганской области (17.02.1942). Известный театральный режиссёр, педагог, поэт. Работал в Харькове, Одессе, в Алтайском крае и Ярославле (Россия), в Венгрии, США. Автор трёх сборников стихов. В настоящее время живёт и работает в Кировограде.

Ліценюк Григорій Васильович. Народився 27.11.1956 р. на Тернопільщині. Зараз проживає в смт. Петрове Кіровоградської області. Автор трьох збірок віршів.

Зміст

ПОЕЗІЯ

Анатолій Кримський. Ще музичу пісню не забуду...	5
Ефим Авруцкий. Мои пятилетние сверстники (<i>Отрывок из поэмы</i>)	9
Наталья Бидненко. Без тебя леденеет полночь	15
Уляна Горяна. На хвилі верлібру	19
Николай Ильин. Музыка времени	23
Алла Ковалішина. Я вигадала вас, слова крилаті	29
Валерий Корниец. Как слова ненаписанной повести	37
Анатолій Курганський. Вона мені дарована від Бога	45
Роман Любарський. З нової книги «Зерно і посох»	51
Олена Надутенко. Спокійно на душі...	53
Людмила Николаевская. Родниковой воды напьюсь	57
Дмитро Танський. Ми співали про щастя	61
Анатолій Чечель. Молитвами стривожених сердець	65
Сергей Шпудейко. Любовь — не вздохи на скамейке	73
Андрей Шульга. Невозможно прожить без Бога	77

ПРОЗА

Світлана Тимко. Історія однієї шуби	83
Анатолій Юрченко. Лихорадка послеурского периода	87
Дмитро Танський. Твір на вільну тему	95
Уляна Горяна. Трав'янка-гвоздичка (<i>Легенда</i>)	99

У НАС У ГОСТЯХ

<i>Днепропетровская областная организация Конгресса литераторов Украины. Стихи (Татьяна Валовая, Юрий Гашинов, Юлия Гнатюк, Павел Кашаев, Сергей Куликов, Александр Кутняк, Николай Милаш, Николай Москалец, Виктор Невский, Людмила Некрасовская, Світлана Поливода, Микола Пшенишняк, Наталья Сидоренко, Владимир Скуратовский, Елена Хейфец, Елена Швец-Васина)</i>	
	109

ПУБЛИЦИСТИКА

Роман Любарский. Декабрьская жара (<i>и другие статьи</i>)	123
Анатолій Юрченко. Театральный роман по-кировоградски	133

ДЕБЮТ В «ЛК»

Евгений Гиммельфарб. Гамлет (<i>и другие стихи</i>)	153
Григорій Ліщенко. Краплі зі стріхи (<i>та інші вірші</i>)	156

САТИРА. ГУМОР

Анатолій Юрченко. Околотеатральный юмор	161
Анатолій Курганський. Сатиричинки	172
Валерий Корниец. Тексты с подтекстом	174
Дмитро Танський. Іронічна поезія	178
Світлана Тимко. Невиліковно хвора	180

Відомості про авторів	183
------------------------------	-----

ЛІТЕРАТУРНЕ ВИДАННЯ

Ю. Авруцький, Н. Бідненко, Т. Валова, Ю. Гашинов, Є. Гімelfарб,
Ю. Гнатюк, У. Горяна, М. Ільїн, П. Кашаєв, А. Ковалішина,
В. Корнієць, А. Кримський, С. Куліков, А. Курганський,
О. Кутняк, Г. Ліщенко, Р. Любарський, М. Мілаш, М. Москалець,
О. Надутенко, В. Невський, Л. Некрасовська, Л. Ніколаєвська,
С. Поливода, М. Пшенишняк, Н. Сидоренко, В. Скуратовський,
Д. Танський, С. Тимко, О. Хейфець, А. Чечель, О. Швець-Васіна,
С. Шпудейко, А. Шульга, А. Юрченко.

ЛІТЕРАТУРНА КІРОВОГРАДЩИНА АЛЬМАНАХ

(українською та російською мовами)

**Редакційна колегія: Р. Любарський, О. Надутенко,
Д. Танський, А. Юрченко**

Редакційна колегія може не поділяти судження авторів.

При редагуванні максимально збережено авторські лексика,
орфографія, пунктуація та орфоепія.

Технічний редактор *О.М. Корнілов*
Верстка *В.М. Яценко*
Коректор *В.П. Корнієць*
Обкладинка *І.М. Шалота*

Підп. до друку 12.03.2013. Формат 60x84¹/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 11,16.
Замовлення № 278. Наклад 350 прим.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кіровоград, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: marketing@imex.net